

Д. С. Гречко

ОТ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ К КЛАССИЧЕСКОЙ

В статье рассматриваются вопросы микрохронологии материальной культуры VI в. до н. э. и детализируется история кочевого и оседлого населения юга Восточной Европы в это время. Анализируются погребальный обряд и материальная культура переходного периода.

Ключевые слова: скифы, периодизация, хронология, Северное Причерноморье.

Важным вопросом в скифологии является проблема монолитности Скифии и культуры ее населения на протяжении VII—IV вв. до н. э. Долгое время, начиная с М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1925, с. 309], предполагалось поступательное развитие скифского объединения, которое начиналось с их прихода с востока, властвования в Передней Азии, дальнейшего перемещения центра Скифии в Северное Причерноморье, и завершалось сарматским вторжением. А.Ю. Алексеев точно отметил, что на данный момент обозначилась тенденция к «усложнению традиционных представлений о динамике развития Европейской Скифии» [Алексеев, 2003, с. 15, 189, 190].

В начале 1990-х гг. появились первые реконструкции истории населения юга Восточной Европы скифского времени, в которых предполагалось выделение двух Скифий — Древней (Архаической) и Геродотовой (Классической), которые были различны в этническом отношении и сменяли одна другую [Алексеев, 1992]. Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко также отмечают, хотя и не так четко как А.Ю. Алексеев, влияние миграции нового населения в регион в конце VI — начале V вв. до н. э. [Виноградов, Марченко, 1990, с. 149, 150]. На сегодня нет единого исследовательского под-

© Д.С. ГРЕЧКО, 2016

хода к периодизации Европейской Скифии. Наименьшие разногласия вызывают два момента — середина VII в. до н. э. (завершение формирования архаической скифской культуры) и рубеж VI — V вв. до н. э. (резкое изменение облика материальной культуры) [Алексеев, 2003, с. 22].

Непростым является вопрос о начале среднескифского периода (культуры) (далее ССК). Данному вопросу значительное внимание уделил А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 153—192]. Исследователь считает, что в последней трети VI в. до н. э.¹ происходит замена раннескифского материального комплекса среднескифским. На смену Древней Скифии² с ее киммерийско-скифским этническим содержанием приходит Классическая. Изменения носили стремительный характер, на что указывает двухкомпонентность инвентаря некоторых комплексов переходного периода.

Отмеченное исследователем сокращение надежно датированных комплексов можно отнести не к первой трети VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 157], поскольку для этого времени есть целая серия эталонных комплексов с античной керамикой (Репяховатая Могила 2, Бушуйка,

1. Несколькими страницами ранее А.Ю. Алексеев относит смену РСК ССК серединой VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 156].

2. Для Восточной Европы ведущая роль и, в целом, присутствие скифов в эпоху архаики является не доказанным. Идея о преобладании киммерийцев либо других носителей раннескифской культуры к северу от Кавказа после 640 г. до н. э. было высказано автором ранее [Гречко, 2013, с. 134—138]. При такой интерпретации Древняя Скифия может оказаться Киммерией или как-то иначе.

Китай-Город, Цукур-Лиман)¹, а ко второй-третьей четвертям данного столетия. Для данного периода погребения с представительным набором инвентаря и античной керамикой представлены лишь погр. 3 кургана 3 могильника Аксай-1², хотя и датировка столовой амфоры из данного комплекса дискуссионна (подробнее см.: [Алексеев, 2003, с. 202; Гречко, 2012, с. 82].

«ПРОБЛЕМА» VI в. до н. э.

Рассматриваемый нами период приходится на время появления на Востоке религиозных и философских учений, которые будут в последствии иметь выдающееся значения для развития региона. В то время родились Конфуций (551 г. до н. э.), Сиддхартха Гаутама (563 г. до н. э.), работал Лао-цзы (VI в. до н. э.). Все эти события ознаменовали начало «осевого времени» Карла Ясперса для Восточных цивилизаций, которое характеризовалось стремлением человека к переосмыслению существовавших до этого норм и традиций [Ясперс, 1991, с. 35—50].

Глобальные изменения произошли в материальной и, по всей видимости, в духовной культуре кочевников в середине—второй половине VI в. до н. э. Данный период в работе мы будем именовать переходным. Изменения коснулись населения всего степного пояса Евразии. Исследователи отдельных регионов обратили внимание на данные процессы и предложили свои варианты реконструкции событий, которые привели к данным изменениям.

В.Ю. Мурзин в работе посвященной захоронениям второй половины VII — V вв. до н. э. *Северного Причерноморья* пришел к выводу, что скифы после поражения в Передней Азии формируют сперва центр своего объединения на Северном Кавказе. В конце VI в. до н. э., по мнению исследователя, происходит перемещение ядра Скифии в Северное Причерноморье, что находит подтверждение в увеличении количества погребальных памятников [Мурзин, 1984, с. 97, 101].

При рассмотрении вопроса о приходе к власти в степи династии скифов-царских Б.Н. Мозолевский обращал внимание на концепцию двух Скифий А.Ю. Алексеева. Отмечая последовательность данного подхода, исследователь сомневается в значительной смене населения в регионе, аргументируя это преувеличением отличий культуры двух периодов и отсутствием информации о данном событии у Геродота, который по мнению Б.Н. Мозолевского побывал в Скифии спустя несколько десятилетий. Выдаю-

щийся исследователь допускал, что появление новых групп населения в конце VI — начале V вв. до н. э. может быть связано с возвращением в Северное Причерноморье части скифов, которые задержались на Северном Кавказе после окончания переднеазиатских походов [1990, с. 24, 27, 28].

А.Ю. Алексеев для Северного Причерноморья и Северного Кавказа данные изменения связывает с проникновением новых групп кочевников с востока, которые пришли в движение в результате среднеазиатских походов Ахеменидов. Исследователь считает, что рубеж между Скифиями около середины VI в. до н. э. не отчетливый для степей Северного Причерноморья и Нижнего Дона [2003, с. 157]. Мы склонны все же его фиксировать достаточно уверенно. Для Степи заметно отличие между раннескифскими комплексами [Дубовская, 1997, с. 198—206] и древнейшими среднескифскими (Шолохово, Великомихайловка, Куцеволовка и др.). С.А. Скорый не фиксирует для VI в. до н. э. скифских вторжений на территорию Днепровского Лесостепного Правобережья [Скорый, 2003, с. 89].

Для *Нижнего Дона* отмечается наличие 30 или 40 комплексов VI в. до н. э. [Копылов, 1994, с. 22; Житников, 1997, с. 51]. При их анализе получается, что практически все они относятся к группе раннескифских захоронений (типа Бушуйки). Памятники раннескифского времени Нижнего Подонья и Прикубанья были проанализированы Т.В. Рябковой. Для Нижнего Дона отмечается активное самостоятельное развитие региона до середины—третьей четверти VI в. до н. э. Все инновации в междуречье Дона и Кубани раннескифского времени исследовательница связывает с притоком нового населения с востока, которое периодически осваивало данные благоприятные для скотоводства земли. Исчезновение памятников связано с событиями, которые привели к исчезновению Таганрогского поселения [Рябкова, 2003, с. 21]. Материалы свидетельствуют о неоднородности кочевников данного региона раннескифского времени. Финал скифской истории в Прикубанье не отличается ясностью. Исследователи фиксируют слияние к концу VI в. до н. э. раннескифской культуры с культурой «меотов» и образование синкретической меото-скифской [Алексеев, Рябкова, 2010, с. 252]. К середине—второй половине столетия в данном регионе можно отнести лишь находки у хут. Дугино [Копылов, 1992, с. 84, рис. 1, 5]. Несколько восточнее исследовано известное аксайское захоронение. Единичность захоронений переходного периода на Нижнем Дону отмечает С.Ю. Гуцалов, что объясняет нахождением данной территории на стыке нескольких культурных миров, что мешало стабильному проживанию населения [Гуцалов, 2007, с. 87]. Данный регион в переходный период пред-

1. Важность данных репрезентативных комплексов в том, что они позволяют выделить синхронные захоронения данного периода.

2. Комплексы с киликами типа В2 по Вилляр Валле не содержали многочисленного инвентаря [Гречко, 2012, с. 82—92].

ставлен наименьшим количеством комплексов, что, вероятно, обусловлено перемещениями новых групп кочевников через эту территорию. Постоянное население здесь появится лишь с образованием Елизаветовского городища и могильника.

Для Предкавказья фиксируется достаточно стабильное проживание групп кочевого населения, начиная с раннескифского времени, что выразилось в непрерывном существовании некоторых некрополей (Нартан). С.В. Махортых связывает уменьшение количества скифских памятников в Предкавказье в VI—V в. до н. э. с оттоком кочевников после окончания переднеазиатских походов в Северное Причерноморье¹ и смешением части скифов с местным населением и пришлыми из Волго-Донского междуречья кочевниками [Махортых, 1991, с. 113]. В данный период на Северном Кавказе известно большое количество местных поселений, при этом определенная напряженность в отношениях с кочевниками сохранялась [Виноградов, 1972, с. 37—38, 84—86]. Стоит отметить общее наблюдение специалистов, что погребальные памятники Северного Кавказа указывают на этническую пестроту кочевников региона в раннескифское время.

Часть исследователей правомерно отмечают участие кочевников Северного Кавказа в формировании савроматской культуры междуречья Волги и Дона во второй половине VI — начале V вв. до н. э. [Маслов, Очир-Горяева, 1997, с. 62—71]. Связи между данными регионами могли быть обусловлены сезонными перемещениями кочевников, поскольку Предкавказье было удобно для зимников. Кроме того, Северный Кавказ для кочевников являлся производственной базой, которая в значительной мере обеспечивала степняков. Связь населения Северного Причерноморья с Поволжьем проходила через северокавказский регион. Фиксируется и восточный импульс второй половины VI в. до н. э. для Предкавказья. В целом, С.Б. Бурков и В.Е. Маслов, отмечают среди важнейших особенностей региона наличие многочисленного автохтонного населения и близость Закавказью. Последнее обстоятельство обуславливало участие местных кочевников в посредничестве торговли с данным регионом, организации набегов и наемничестве [Бурков, Маслов, 2007, с. 309].

Важными являются вопросы датировки Ульских курганов, которые долгое время не были комплексно опубликованы. После выхода посвященного данному памятнику монографического исследования [Ульские ..., 2015] мы склонны согласиться с В.Р. Эрлихом в отноше-

нии распределения комплексов во времени. В связи с темой данной работы нас будет интересовать вторая хронологическая группа погребений (вторая половина VI в. до н. э.) [Эрлих, 2000, с. 77, 78].

Для памятников *Нижнего Поволжья* выделяется два хронологических периода, первый (ранний этап) из них связан с более менее плотным заселением региона в конце VI в. до н. э. [Очир-Горяева, 2012, с. 184, 185]. При этом, для несколько более раннего времени (около третьей четверти VI в. до н. э.) Л.Т. Яблонский допускает возможность проникновения в Нижнее Поволжье и Южное Приуралье отдельных малочисленных коллективов кочевников с территории Казахстана и Южной Сибири, которые оставили единичные захоронения типа «Комсомольский» [Яблонский, 2007, с. 24]. С.Ю. Гуцалов и А.Д. Таиров предполагают проникновение в первой половине-середине VI в. до н. э. в Южное Приуралье скифского этнокультурного компонента (кург. 59 Целинное 1 на Илеке, Бурдыгино кург. 8/2 в бассейне Самары, Покровка-2, кург. 17/1 [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 65]).

К.Ф. Смирнов выделял в раннесавроматские погребения (VII—VI в. до н. э.) вместе с раннескифскими и переходные комплексы. Была определена целая группа захоронений второй половины VI в. до н. э., которые по времени предшествуют многочисленным комплексам последней четверти VI — первой половины V в. до н. э. типа Блюменфельд А12. Выдающийся исследователь считал, что савроматская культура Волго-Уральского региона сформировалась на местной срубно-андроновской основе при существенном участии элементов более восточного происхождения из Средней Азии [Смирнов, 1964, с. 33—40, 187—188].

Финал проживания ананьинского населения в *Поволжье* исследователи связывают с походом Дария I и вероятным опустошением скифами, при обходе персов, западных земель фиссагетов-ананьинцев. Отмечается перемещение волжских ананьинцев на северо-восток в Поволжье и севернее в конце VI в. до н. э. После вынужденного ухода из наиболее благоприятных земель ананьинские племена теряют свою монолитность и участвуют в сложении новых этнокультурных общностей [Халиков, 1977, с. 258].

В *южноуральских степях* масштабные изменения также происходят в середине — второй половине VI в. до н. э., которые исследователи связывают с притоком нового населения и трансформацией культуры в Южном Зауралье, а также в заселении Южного Приуралья [Таиров, 2000, с. 151—154]. Новый комплекс культуры появляется в готовом виде. Инновацией в погребально-поминальной практике стало сооружение святилищ с каменными изваяниями [Гуцалов, Таиров, 2000]. С.Ю. Гуцалов ви-

1. Исследователь, вслед за В.А. Ильинской, связывает с этими процессами появления раннескифских погребений в Лесостепи, а не первых среднескифских.

дид несколько этнокультурных компонентов у населения южноуральского региона скифского времени. Допускается, что глобальные изменения в степях связаны с изменением климата и возможностью ведения кочевого хозяйства в степи. В одной из последних работ исследователь на основе анализа погребальной традиции регионов пришел к выводу об участии мигрантов с территории Северного Кавказа и Поднепровья в сложении элиты номадом Южного Урала. Завершение формирования «союза южноуральских номадов» связано с приходом мигрантов из низовьев Сырдарьи и Амударьи в конце VI в. до н. э. [Гуцалов, 2011, с. 52].

Для *Горного Алтая* внезапность смены культурного облика часть исследователей объясняет приходом нового пазырыкского населения, которое подчиняет или вытесняет местные маймирские и бийкенские племена в VI в. до н. э. (Л.С. Марсадалов, А.А. Тишкин); формированием пазырыкской культуры в результате взаимодействия местного населения и мигрантов из степей восточного и юго-восточного Казахстана (В.А. Могильников; подробнее см.: [Тишкин, Дашковский, 2005, с. 248—267]). П.И. Шульга выделяет хронологический разрыв между раннескифскими и пазырыкскими погребальными комплексами в пределах полувека, обусловленный ухудшением климатических условий в регионе¹. Исследователь отмечает что в середине—второй половине VI в. до н. э. погребальный обряд и комплекс материальной культуры кардинально меняется по всей степи, как минимум от Урала до Ордоса. Отмечается схожесть данного явления с процессами, которые происходили при формировании раннескифской культуры. Автор не склонен это объяснять миграциями и завоеваниями, а считает, что произошла эпохальная смена культурного облика. Основная масса населения горного Алтая осталась на месте, что, по мнению П.И. Шульги, подтверждается данными антропологии и лепной керамики [Шульга, 2008, с. 13]. В недавней работе автор все же допускает возможность миграции в данное время на территорию Горного Алтая из предгорной равнины и Тувы [Шульга, 2015, с. 29].

«Импульсу VI в. до н. э.» посвящена специальная работа А.Д. Таирова. Предполагается, что во второй четверти — середине данного столетия при улучшении климатических условий увеличилась численность кочевого населения в Монголии, Северном и Северо-Западном Китае, что вызвало перемещение племен, в основном внутри региона. Под влиянием усобиц в это время часть кочевников Тувы и Минусинской котловины «выплеснулась из центральноазиатского

1. По моему мнению, выделение подобного «хиатуса», с учетом отсутствия надежных хронологических индикаторов и четкой абсолютной датировки для комплексов данного региона (погрешность может достигать 100—200 лет) [Шульга, 2015, с. 22], не выглядит бесспорным.

котла». В Туве на смену алды-бельской культуре, носители которой перемещаются на запад, приходит саглынская. В результате данных событий происходит общая подвижка населения в западном направлении. Кочевники Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана были вытеснены и двинулись в обход сильного объединения номадов Центрального Казахстана вдоль предгорий Алтая в Верхнее Приобье и на запад через Семиречье на Южный Урал и, вероятно, вплоть до Северного Причерноморья. Движение имело характер нескольких импульсов, которые не оставили следов на промежуточных территориях. Восточный Туркестан при этом заняли кочевники, родственные племенам, которые заселили Горный Алтай и приняли участие в сложении пазырыкской культуры. А.Д. Таиров, вслед за Л.Т. Яблонским, отмечает, что «пульсирующие миграции» представляли собой перемещения, вероятно, разноэтнических групп кочевников, которые были носителями специфических комплексов материальной культуры [Таиров, 2008, с. 162—163].

Интересна реконструкция сезонных миграций кочевников Южного Урала предложенная А.Д. Таировым. Исследователь считает, что контакты между кочевниками урало-казахстанских степей с племенами низовий Сырдарьи были непосредственными и выражались во взаимовлиянии. Контакты (мирные, военные) наиболее активно проходили в период зимовки на сопредельных территориях и охватывали, скорее всего, широкие слои общества. Взаимодействие затрагивало не только хозяйство, но и потестарно-политические (заключение союзов, договоров, посылке посольств и т. п.) и духовно-идеологические стороны жизни кочевых сообществ. Заимствовались преимущественно передовые предметы вооружения и конской упряжи [Таиров, 2007, с. 64—101]. Таким мог быть механизм передачи «по цепочке» различных инноваций.

На середину VI в. до н. э. выделяется несколько регионов, не имевших постоянного населения: степи Северного Причерноморья, Волго-Донское междуречье, включая низовья рек, Южное Приуралье, то есть степной регион от Дуная до Урала. Данное явление, вероятно, связано с состоянием климата того времени. На востоке потенциальными исходными регионами миграции на запад могли быть Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан (тасмолинская КЭО), Восточный Казахстан, Алтай, Тува, Южная Сибирь, и Приаралье. Перемещение саков Приаралья в Южное Зауралье (могильник Маровый шлях) происходит несколько позднее в конце VI в. до н. э. [Таиров, 2006, с. 89, 90].

Подытоживая, можно сказать, что ученые в своих региональных реконструкциях отмечают активизацию этнокультурных процессов около середины VI в. до н. э. Данные явления частью исследователей связываются с проникновени-

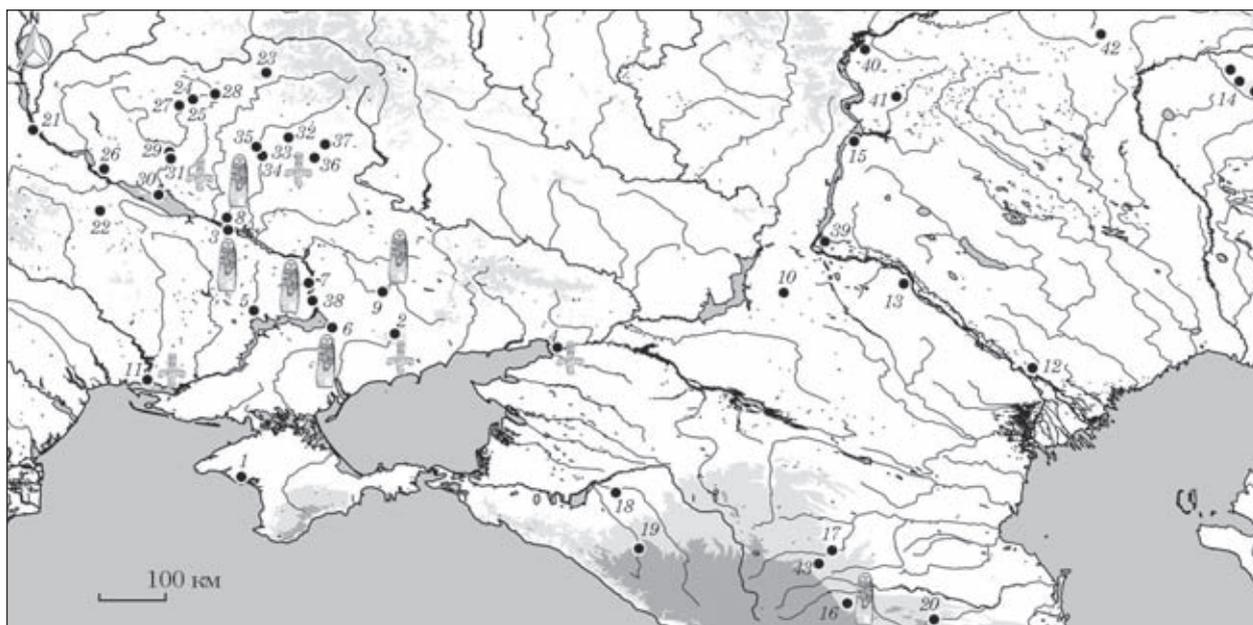

Рис. 1. Комплексы переходного периода юга Восточной Европы: 1 — Колоски; 2 — Гусарка; 3 — Куцеволовка; 4 — Дугино; 5 — Шолохово; 6 — Гладкое; 7 — Ясиноватое; 8 — Роблена Могила; 9 — Великомихайловка; 10 — Аксай; 11 — Ольвия; 12 — Комсомольский; 13 — Кривая Лука; 14 — Покровка; 15 — Политотдельское; 16 — Нартан; 17 — Новозаведенное; 18 — Ульские курганы; 19 — Каменноостровский могильник; 20 — Ассиновская; 21 — Пирогово; 22 — Цветково; 23 — Басовка; 24 — Стайкин Верх; 25 — Волковцы; 26 — Гладковщина; 27 — Ярмолинцы, ур. Камашня; 28 — Великие Будки; 29 — Лубны; 30 — Келеберда; 31 — Ерковцы; 32 — Купьеваха; 33 — Опишлянка; 34 — Витова Могила; 35 — Бельск; 36 — Тетюшино; 37 — Малая Роззянка; 38 — Запорожье; 39 — 15-й поселок; 40 — Энгельс; 41 — Визенмиллер; 42 — Абрамовка (Черная Гора); 43 — Белореченский могильник

ем кочевников из Тувы и Минусинской котловины через предгорья Алтая в Восточный Туркменистан, Юго-Восточный Казахстан и далее через Семиречье и Южное Приуралье вплоть до Северного Причерноморья¹. Предполагается влияние военной активности первых Ахеменидов на сако-массагетские племена.

Долгое время считалось, что значимое воздействие на историю Скифии имел поход Дария I в Северное Причерноморье. Критический анализ всей совокупности данных ведущими исследователями лишает меня необходимости возвращаться к данной проблеме [Полин, 1994]. В последние годы исследователи стали обращать внимание на войны Кира II с массагетами и походом ранних Ахеменидов на Северный Кавказ [Алексеев, 2003, с. 190]. Именно данные кампании имели важное значение для жизни кочевников степного пояса Евразии в последней четверти VI в. до н. э.

Целью данной работы является попытка разработки микрохронологии материальной

культуры VI в. до н. э. и детализации истории кочевого и оседлого населения юга Восточной Европы в это время (рис. 1).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

А.Ю. Алексеев отмечает, что изменения погребального обряда носили более эволюционный характер, чем в материальной культуре [2003, с. 186—187]. Работа Ю.Н. Бойко, не лишённая спорных моментов, показала отличие погребальной обрядности населения юга Восточной Европы раннескифского и среднескифского периодов [1994, с. 22—24].

Большинство позднейших раннескифских захоронений восточноевропейской Лесостепи [Гречко, 2012, с. 80—82] совершено в камерных могилах с деревянными конструкциями («склепы»), которые не отличаются от сооружений более раннего времени (рис. 2, 1—7). Ориентировка нестабильна. Абсолютно преобладает ингумация. К данной хронологической группе относятся и позднейшие комплексы Среднего Днестра (Перебыковцы, кург. 2) [Смирнова, 1993, с. 115—117].

Древнейшие среднескифские захоронения совершены в обычных ямах без деревянных конструкций (Витова Могила, Опишлянка, Аксай кург. 3/3 Шолохово кург. 13, Великомихайловка), с канавками вдоль стен могилы (Купьеваха кург. 19) и в камерной гробнице с

1. Встречный культурный импульс с Северного Кавказа, как минимум, до Южного Приуралья (памятники типа Целинный и Покровка) в это время маловероятен. Находка костей верблюда в кург. 17 могильника Покровка-2 (см. далее: рис. 5, 1) [Яблонский и др., 1994, с. 37—40], скорее, говорят о восточном происхождении данных групп кочевников. Движение кочевников с запада на восток, вероятно, имело место позднее, в последней четверти VI в. до н. э.

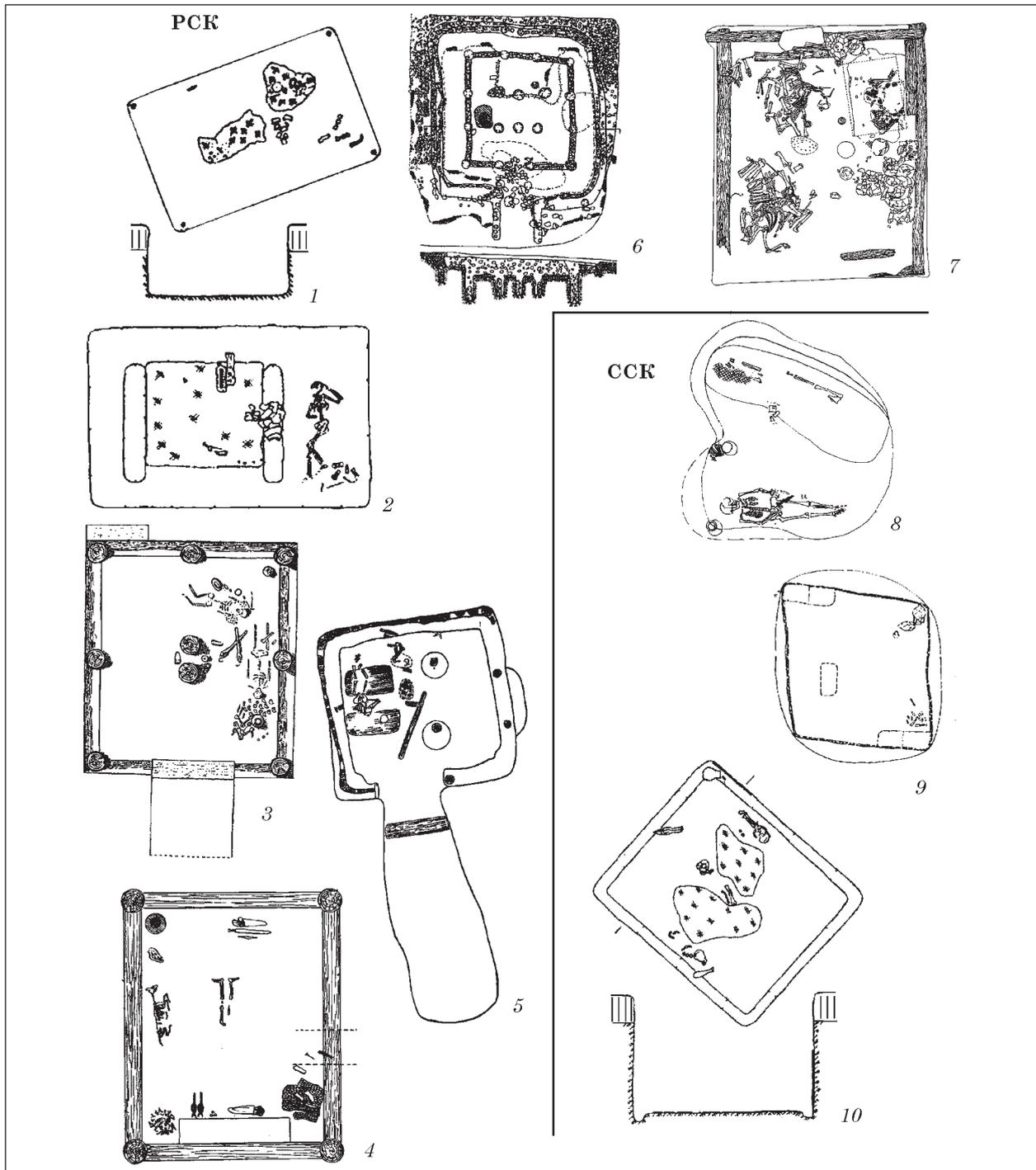

Рис. 2. Погребальные сооружения второй половины VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Купьеваха, кург. 14; 2 — Купьеваха, кург. 15/2; 3 — Журовка 407; 4 — Старшая Могила; 5 — Репяховатая Могила, погр. 1; 6 — Перебыковцы, кург. 2; 7 — Новозаведенное-II, кург. 17; 8 — Аксай-I, кург. 3/3; 9 — Тетюшино; 10 — Купьеваха, кург. 19 (по: [Ильинская, 1968, 1975; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 2006; Петренко и др., 2006; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999]); масштаб произвольный

угловыми столбами (Басовка, кург. 482, Малая Рогозянка-1, кург. 1/3¹). Известны погребения

1. К группе захоронений переходного периода данный комплекс позволяет отнести присутствие трехлопастных башневидных наконечников стрел в колчанном наборе и близость лешного кувшинообразного сосуда изделию из кург. 20/4 Купьевахинского могильника (вторая половина VI в. до н. э.) [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 20—21; 171, рис. 31, 1—15].

в деревянных камерах, которые меньше размеров ямы (Тетюшино) (рис. 2, 8—10; 3, 1, 3; 4, 3).

Среди многочисленных захоронений данной группы известна кремация покойника (Скоробор кург. 4) [Шрамко, 1994, с. 108]. В Опишлянке кальцинированные кости были помещены в урну [Zakharov, 1932, с. 76—77]. Обряд сожжения в раннескифское время занимает значительное место среди погребальных практик населения

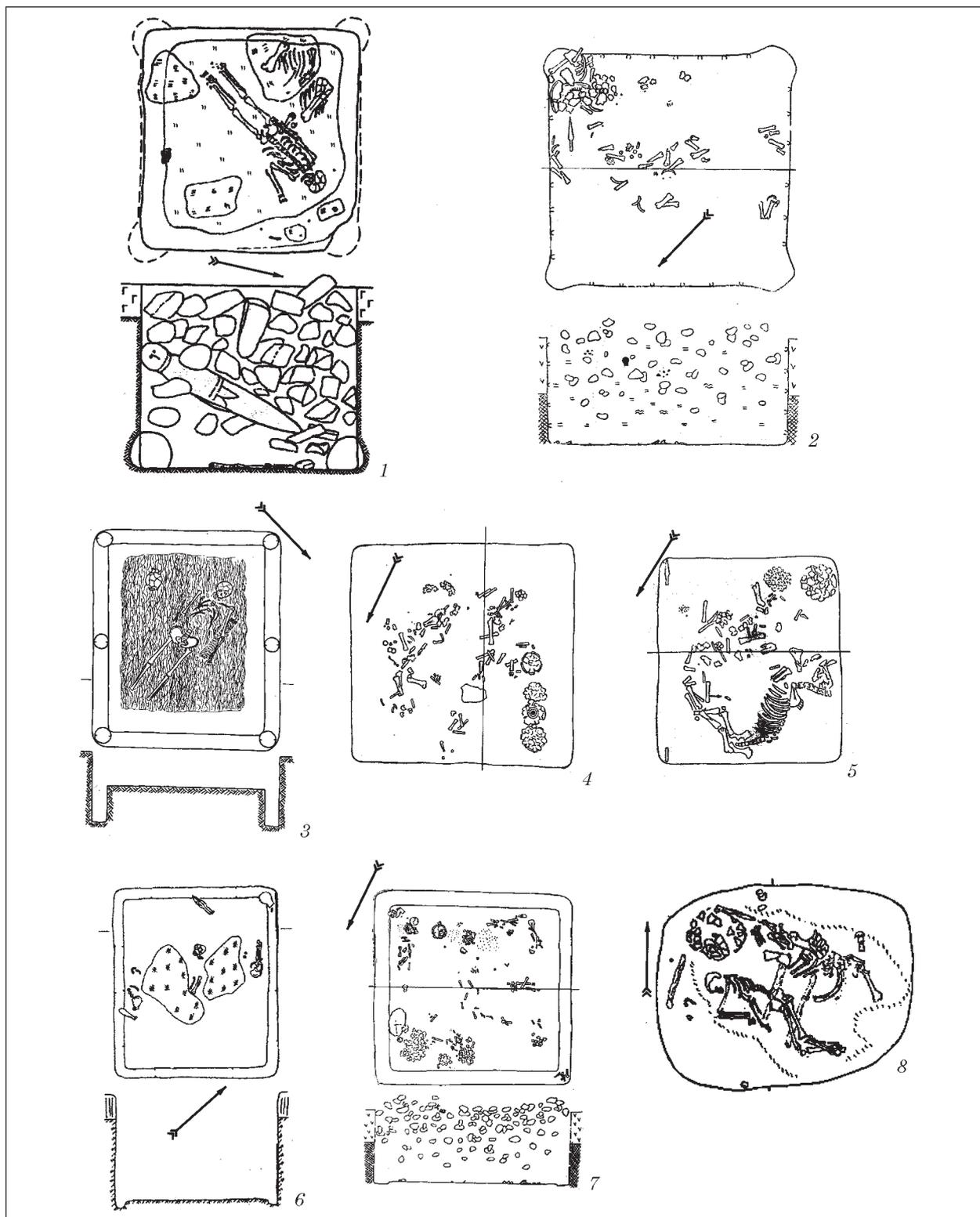

Рис. 3. Погребальные сооружения второй половины VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Великомихайловка; 2 — Нартан, кург. 19; 3 — Малая Рогозянка-1, кург. 1/3; 4 — Нартан, кург. 10; 5 — Нартан, кург. 4; 6 — Кутьеваха кург. 19; 7 — Нартан, кург. 9; 8 — Нижнедонской, кург. 1/24 (по: [Мухопад, 1984; Бандуровский, Буйнов, 2000; Илюков, Лукьяшко, 1994; Батчаев, 1985; Бойко, Берестнев, 2001]); масштаб произвольный

Днепровского Лесостепного Правобережья (36 %) и лишь немного уменьшается его удельный вес в среднескифский период [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 34, 38]. Обряд сожжения известен на Среднем Днестре [Смирнова, 2006, с. 74], в

Предкавказье (Нартан, кург. 12) [Батчаев, 1985, с. 31—32] и в Средней Европе (культура Сентеш-Векерзуг) [Хохоровски, 2013, с. 64].

Ближайшие аналогии погребальным сооружениям переходного периода среди раннескиф-

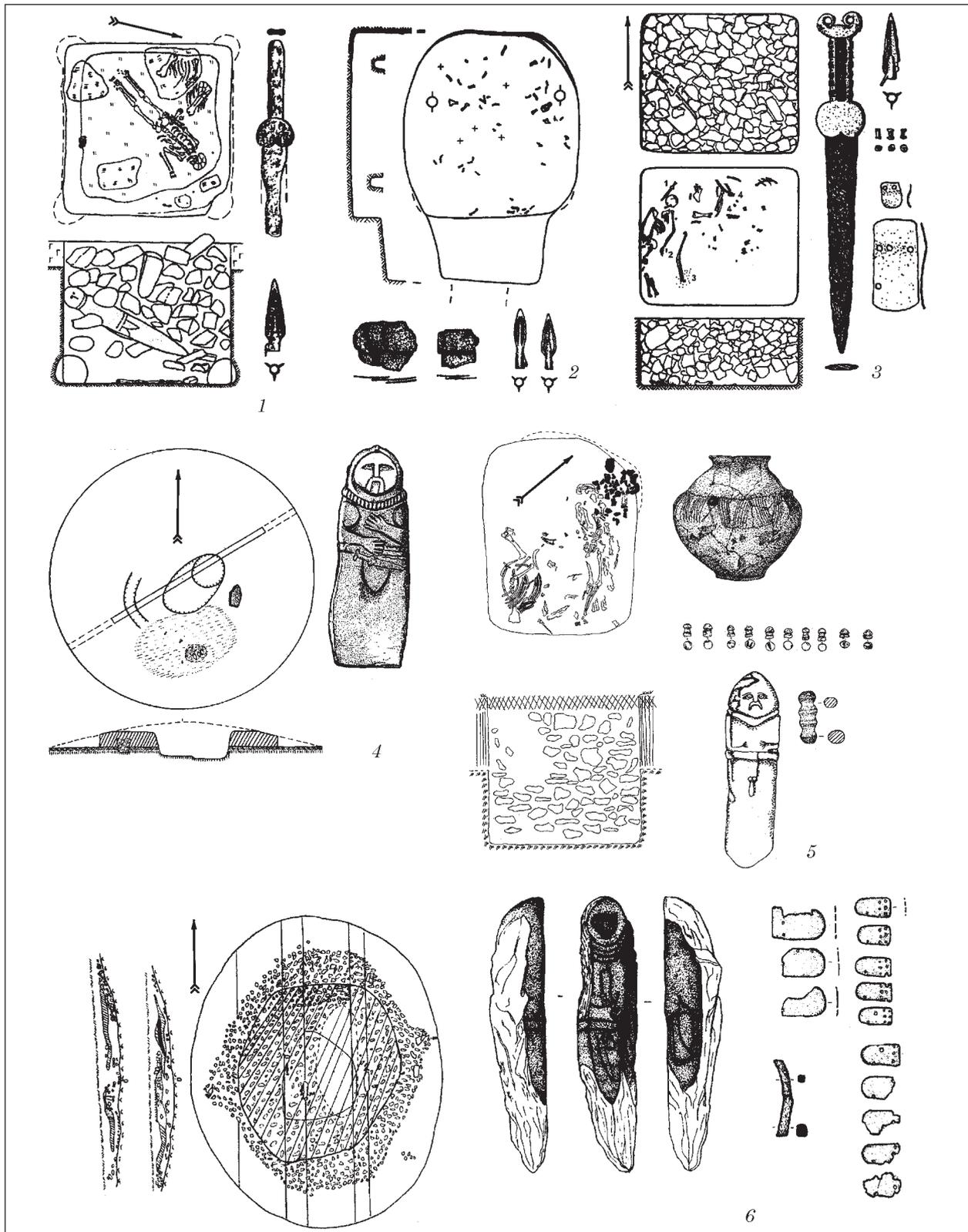

Рис. 4. Погребальные комплексы с изваяниями VI в. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Великомихайловка; 2 — Роблена Могила; 3 — Шолохово, кург. 13; 4 — Куцеволовка, кург. 9; 5 — Запорожье, кург. 2/2; 6 — Ясиноватая (по: [Мухопад, 1984; Волкобой и др., 1979; Григорьев, 1989; Ольховский, Евдокимов, 1994; Бокий, Ольховский, 1994; Андрух, Тоцев, 2012]); масштаб произвольный

ских комплексов можно найти в Предкавказье. Так, квадратная яма с угловыми округлыми углублениями (Велькомихайловка [Мухопад, 1984, с. 118]) идентична кург. 19 Нартанского

могильника. Ямы с канавками вдоль стен (Купьеваха, кург. 19¹) аналогичны более ранним

1. При этом совпадает и ориентировка могил.

нартановским (кург. 9, 11) (рис. 3, 1—2, 6—7) [Батчаев, 1985, с. 27—31].

Ориентировка могил нестабильна (С—Ю, СЗ—ЮВ, СЗ—ЮВ (Купьеваха). При этом, в Лесостепи преобладает меридиональная (Витова Могила, Опищлянка, Басовка), а в Степи и Приднепровской террасовой Лесостепи лучше представлена широтная ориентировка (Шолохово, Роблена Могила). Серия могил имеет подквадратную форму и была ориентирована по сторонам света.

Дважды (Великомихайловка, Малая Рогозянка-1, кург. 1/2) было зафиксировано диагональное положение умершего в могилу (рис. 3, 1, 3). Аналогиями могут служить захоронения раннескифского времени в кург. 10 Нартанского могильника¹ (рис. 3, 4) [Батчаев, 1985, с. 30], погребение в кург. 1 группы 2 у с. Волошково в Приднепровской террасовой Лесостепи [Кулатова и др., 2006, с. 49] и захоронение в кург. 1 могильника Донской на Нижнем Дону (рис. 3, 8) [Ильюков, Лукьяшко, 1994, с. 58].

Положение коня в могилу (Витова Могила, Роблена Могила) также находит аналогии в Предкавказье (Нартан и др.) [Махортых, 1991, с. 41]. Прямоугольная форма могилы (Витова Могила) вместе с костяком коня находит параллели и в синхронных, и более ранних погребениях Горного Алтая и его предгорий [Шульга, 2008, с. 9, с. 195, рис. 4, 1].

Погребения переходного периода были совершены на территории существовавших могильников (Скоробор, Купьеваха), положили начало существованию группы (Басовка), либо созданы на новом месте и являются одиночными (Тетюшино²). Стоит отметить, что все погребения являются основными и единственными в курганах. Значительная часть курганов выделяется своими большими размерами. Среди комплексов переходного периода (вторая—третья четверти VI в. до н. э.) Северного Причерноморья отсутствуют бесспорно женские одиночные погребения³.

Выделяется группа захоронений данного периода, в которых в могиле или в насыпке найдены каменные изваяния (Шолохово, кург. 13, Великомихайловка, Гладкое, Роблена Могила) (рис. 3, 1; 4, 1—3). Кроме того, известны два

комплекса (святилища?)⁴, где под насыпями не было выявлено погребений, но были найдены изваяния и другие материалы (панцирные пластины либо железный топор и набор амфор) (рис. 4, 4, 6). Отношение данной группы комплексов, аналогии которым отсутствуют в Северном Причерноморье в раннескифское время, к переходному периоду заслуживает внимания. Вероятно, это было связано с изменениями в этническом составе населения данного региона, что могло сопровождаться и определенными ритуалами и идеологическом обосновании прав мигрантов на новые территории. Таким образом, непосредственную привязку к комплексам изваяния получают около середины VI в. до н. э.⁵ Надежно датированных комплексов раннескифского времени на территории Северного Причерноморья с изваяниями нет⁶. Ситуация с появлением новых традиций изготовления каменной монументальной скульптуры, схожа с распространением «киммерийских» стел из Центральной Азии, вероятно, через Северный Кавказ в Северное Причерноморье. Интересно мнение И.В. Бруяко, что их использование в погребальной обрядности было необходимо для более четкого обозначения связи «стела-погребение» в инокультурном окружении [Бруяко, 2005, с. 141, рис. 30; 144]. Вероятно, новые группы кочевников использовали скульптуру для включения новых земель в свою культурную территорию, то есть — освоение земель не только физически, но и ментально.

Традиция размещения в насыпи, в надмогильной выкладке или могиле антропоморфных изваяний или камней известна в раннескифских курганах Северного Кавказа (Нартан кург. 11, 16, 17, 20), Красное Знамя,

4. Куцеволовский комплекс датируется третьей четвертью VI в. до н. э. [Бокий, Ольховский, 1994], а Ясиноватая — VI—V вв. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 24]. Комплекс у с. Гладкое также неординарен и, вероятно, является захоронением изваяния в сопровождении человека и части туловища лошади [Бессонова, 2009, с. 46].

5. При этом, традиционно считается, что появление традиции создания антропоморфных изваяний в Северном Причерноморье и Северном Кавказе связано со «скифами» конца VIII — первой половине VII вв. до н. э. Хотя, для Северного Причерноморья их присутствие отмечается для времени не ранее VI в. до н. э., а, в основном, в последней четверти данного столетия [Бессонова, 2009, с. 15, 64].

6. В ровике кург. 2 в г. Запорожье на просп. Советский было обнаружено изваяние [Тоцев, Андрух, 2012, с. 184—223]. Его связь с впускным погребением 2 вполне вероятна (рис. 4, 5). Инвентарь данного захоронения, безусловно, относится еще к материальной культуре раннескифского типа. Нельзя исключать принадлежность погребения с финальными раннескифскими (переходный период) и синхронизировать с комплексом Робленой Могилы. Данный комплекс отличается от других находением стелы в ровике, в то время когда остальные изваяния были найдены в могилах либо насыпи.

1. Судя по положению костяка лошади, подобное положение основного погребенного можно предполагать и для кург. 4 Нартана (рис. 3, 5) [Батчаев, 1985, с. 22, табл. 15].

2. Интересно, что погребальную яму данного кургана окружал мощный глиняный выкид с перемычкой с севера, который до сооружения насыпи был обложен сосновыми бревнами, горбылями и плахами [Бандуровский, Буйнов, 2001, с. 75].

3. В Лесостепи такая возможность допускается для нескольких захоронений Купьевахинского могильника (кург. 20/4, 5), что при отсутствии антропологических определений и специфических категорий погребального инвентаря выглядит не бесспорным [Бойко, Берестнев, 2001, с. 42, 43].

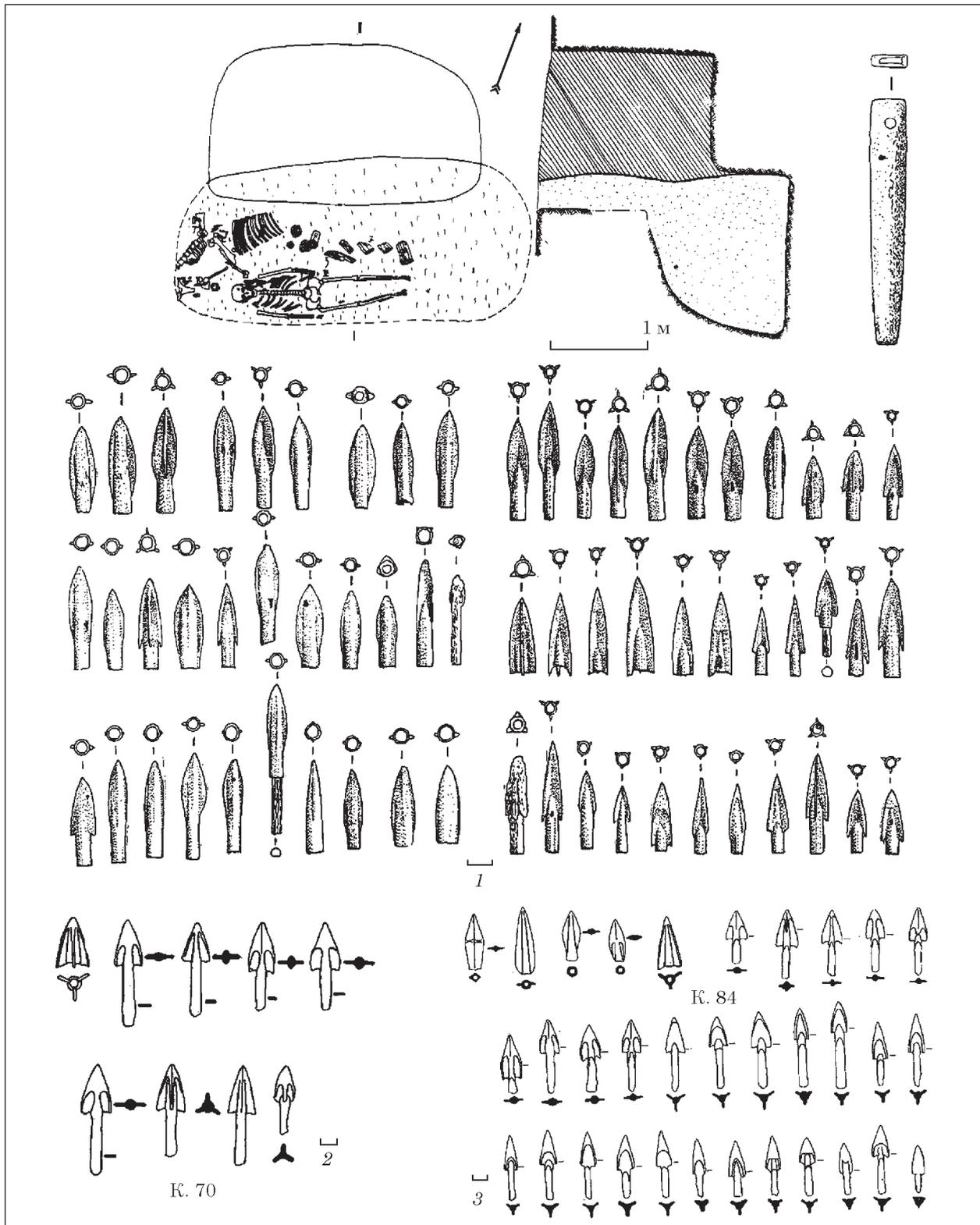

Рис. 5. Погребение в кургане 17/1 могильника Покровка 2 в Южном Приуралье (1) и наборы наконечников стрел из курганов могильника Уйгарак: 2 — № 70; 3 — № 84 (по: [Яблонский и др., 1994; Вишневская, 1973])

кург. 1, 8 (подробнее см.: [Бессонова, 2009, с. 25, 26]). Интересно синхронное появление в Южном Приуралье каменных изваяний, близких антропоморфам Северного Кавказа и Северного Причерноморья, во второй половине VI в. до

н. э. вместе с появлением с появлением новых групп кочевников. Это, по мнению исследователей, подтверждает мысль о проникновении в данный регион скифского этнокультурного компонента, который участвует в сложении

прохоровской культуры [Гуцалов, Таиров, 2000]. Важным представляется отмеченное исследователями преобладание ранних изваяний (VII—VI вв. до н. э.) на Северном Кавказе [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 45] и их преемственность с более поздними причерноморскими [Бессонова, 2009, с. 16].

В целом, подтверждается наблюдение исследователей, что для начала среднескифского периода для всех регионов характерна значительная «обрядовая смешанность», а обряд погребения элиты и рядового населения сильно отличается. Это может говорить о смешении различных групп населения в результате миграций [Гуцалов, 2011, с. 96]. Основными хранителями древних верований и традиций были представители аристократии [Плетнева, 1982, с. 17], обряды же рядового населения могли отличаться меньшей консервативностью и обуславливались многими факторами. При переселении в движение вовлекались часто и племена, через земли которых проходила миграция. Все это усложняет процесс реконструкции миграций населения при отсутствии данных письменных источников.

Таким образом, полной идентичности погребального обряда позднейших раннескифских комплексов и древнейших среднескифских нет, и отличия имеются, что, по крайней мере, не противоречит этнокультурному размежеванию рассматриваемых групп. Кроме того, погребальная обрядность новых групп населения также не отличалась однородностью. Истоки новых элементов погребального обряда достаточно четко обнаруживаются в традициях населения раннескифского времени Предкавказья. С данным регионом стоит связывать и появление каменных изваяний, которые найдены в погребальных и культовых комплексах.

Материальная культура

Наконечники стрел. Важное место в разработке хронологии VI в. до н. э. принадлежит выявлению закономерностей изменения состава колчаных наборов. Традиционно смена 1 хронологической группы стрел (раннескифской) 2 группой (первой среднескифской), согласно А.И. Мелюковой, приходилась на середину VI в. до н. э. С.В. Полин сделал попытку удревнить данное явление до рубежа первой и второй четверти данного столетия [Полин, 1987, с. 28—29], что не нашло поддержки специалистов, в виду отсутствия опорных комплексов для подтверждения такой датировки [Алексеев, 2003, с. 158—159; Бруяко, 2005, с. 239]. Несколько лет спустя после выхода работы С.В. Полина был опубликован каталог погребений архаического некрополя Ольвии [Скуднева, 1988], в котором многие захоронения с наконечниками стрел были датированы античной керамикой. Это позволяет уточнить ряд дискуссионных моментов.

Данный период, как и его «смешанные» колчаные наборы, правомерно называть пе-

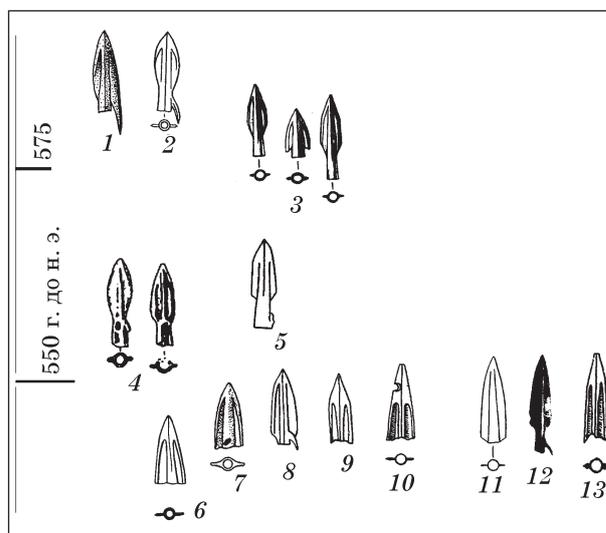

Рис. 6. Двухлопастные наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Цукур-Лиман; 2 — Репяховатая Могила 2; 3 — Перебыковцы, кург. 2; 4 — Аксай-1, кург. 3/3; 5 — Новозаведенное-II, кург. 6; 6 — Великие Будки, кург. 478; 7 — Басовка, кург. 483; 8, 9 — Ольвия, погр. 1911/66; 10 — Ольвия, погр. 1914/15; 11 — Нартан, кург. 5 (по: Ильинская, 1968; Ильинская, Мозоловский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999; Скуднева, 1988; Батчаев, 1985; Петренко и др., 2006); масштаб произвольный

реходными [Полин, 1987, с. 31]. В наборах второй-начала третьей четверти VI в. до н. э. присутствуют наконечники стрел раннескифских типов (рис. 5, 1; 6, 4). Значительные изменения происходят в наборах стрел середины—третьей четверти VI в. до н. э. по сравнению с позднейшими классическими раннескифскими (типа Репяховатой Могила 2). Классические двухлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой с шипом или без более одного экземпляра встречены лишь в одном из древнейших среднескифских комплексов в Аксае (около 560—540 гг. до н. э.) (рис. 6, 4). Свообразными, отличными от раннескифских образцов, являются остлолистные со срезанными под тупым углом ко втулке основаниями лопастей двухлопастные наконечники стрел из ольвийского погребения с крестовидной бляхой 1910/12 (рис. 6, 12). Близкий наконечник обнаружен в кург. 467 у с. Аксютинцы в Посулье, колчаный набор из которого близок комплексам переходного периода [Галанина, 1977, с. 39, табл. 18, 16].

На смену стрелам келермесского типа приходит серия двухлопастных наконечников без выделенной втулки, либо с очень незначительной, иногда, с шипом (рис. 6, 6—11). Значительное количество подобных наконечников найдено в архаическом некрополе Ольвии [Скуднева, 1988]. По одному экземпляру обнаружено в кург. 482 Басовки и кург. 478 у с. В. Будки [Галанина, 1977], Броварки кург. 4 [Гавриш, 2000, с. 30—34], на Хотовском и Мотронинском

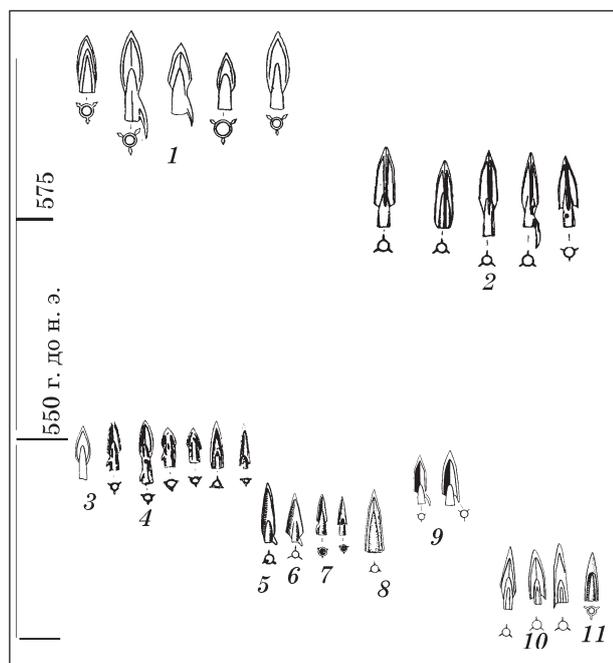

Рис. 7. Трехлопастные наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Репяховатая Могила 2; 2 — Перебыковцы, кург. 2; 3, 11 — Басовка, кург. 482; 4 — Аксай-1, кург. 3/3; 5 — Ольвия, погр. 1909/6; 6 — Ольвия, погр. 1914/15; 7 — Колоски, кург. 5/5; 8 — Тетюшино; 9 — Нартан, кург. 5; 10 — Ольвия, погр. 1911/52 (по: [Ильинская, 1968; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Дьяченко и др., 1999; Скуднова, 1988; Батчаев, 1985; Ольховский, 1982]); масштаб произвольный

городищах [Петровська, 1970, с. 138, рис. 13, 2; Бессонова, Скорый, 2000, с. 91]. Данный тип, учитывая отсутствие переходных форм, маловероятно выводить из раннескифских. Лишь в кург. 84 Уйгарака, кроме черешковых стрел был найден один близкий наконечник (рис. 5, 3) [Вишневская, 1973, табл. XX, 10]. Аналогии данным наконечникам известны в синхронных комплексах Предкавказья и Прикубанья (Нартан кург. 5, Ульский 1909/1) (рис. 6, 11) [Батчаев, 1985, с. 23—24; Ульские ..., 2015, табл. 5, 81]. Можно предполагать их юго-восточное происхождение.

В наиболее ранних среднескифских колчаных наборах встречаются трехлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой, выделенной втулкой с шипом или без, в количестве до десяти штук (рис. 7, 4). Наибольшее их количество встречено в Аксае, кург. 482 Басовки и кург. 478 у с. В. Будки, что, как и в ситуации с двухлопастными стрелами, подчеркивает их относительную древность среди комплексов переходного периода.

На сегодня можно говорить с уверенностью, что в северопричерноморских комплексах последней четверти VII — первой четверти VI в. до н. э. базисные трехлопастные наконечники стрел отсутствуют (Репяховатая Могила 2, Цу-

кур-Лиман, Гуляй-Город, кург. 38, Бушуйка). Нет в это время и наконечников с башневидной головкой. Изменения происходят во второй—третьей четвертях VI в. до н. э., когда в наборах появляются трехлопастные стрелы с башневидной головкой, с длинной выступающей втулкой или без, с шипом или без него (Ольвия погр. 1910/12, 1909/6) [Скуднова, 1988, с. 42—43, 55, 78—80, 101], Новозаведенное-II, кург. 6 и 17, Нартан кург. 3, 5, 8, Перебыковцы кург. 2, Аксай кург. 3/3 [Дьяченко и др., 1999, с. 96], Каменномогильный, погр. 2 (рис. 7, 2, 9) ¹ [Батчаев, 1985, с. 8, 22—27]. Подобные трехлопастные наконечники стрел могут служить надежными маркерами комплексов второй—третьей четверти VI в. до н. э., поскольку в погребениях последней четверти данного столетия в количестве более одного экземпляра они мне уже не известны [Гречко, 2012, рис. 13, 14].

Генетически связана с келермесскими трехлопастными наконечниками группа стрел, у которых уменьшается втулка, а форма головки вытягивается и приобретает остролистую форму. Шип сохраняется (рис. 7, 5—7).

Появляются массивные бронзовые трехлопастные наконечники с головкой башневидной формы со срезанными под тупым углом к основанию лопастями без выделенной втулки (Тетюшино, Скоробор, Ольвия) (рис. 7, 8). Они могут маркировать комплексы третьей четверти VI в. до н. э. В последней четверти данного столетия, они приобретают более стройные пропорции (Александровка). Наконечники подобной формы получили широкое распространение в культуре Сентеш-Векерзуг [Kemenczei, 2009, taf. 12; 155, 3; 162, 5; 178, 7, 8].

В небольшом количестве представлены трехлопастные стрелы со скрытой или слабовыделенной втулкой стройных пропорций, которые получают распространение позднее (рис. 7, 4).

В комплексах второй-третьей четверти VI в. до н. э., так же как и в раннескифских, практически отсутствуют классические базисные наконечники, под которыми мы понимаем опорновтульчатые наконечники стрел с треугольной в профиль головкой и широким основанием (соотношение высоты к ширине основания близко 1 к 2). Единичные экземпляры массивных базисных наконечников найдены в комплексах середины — третьей четверти VI в. до н. э. (кург. 478 у с. Волковцы и кург. 482 у с. Басовка) [Галанина, 1977, табл. 23, 26, 28; 25, 23]. Интересно, что трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой и широким ос-

1. Башневидные трехлопастные наконечники стрел с лопастями переходящими в шипы найдены в ульском кургане 1982/10 [Лесков, 2015, табл. 13, 203], что позволяет присоединиться к мнению В.Р. Эрлиха о датировке кургана около середины (скорее всего, третьей четвертью) VI в. до н. э. [2000, с. 78], а не серединой следующего столетия [Алексеев, 2003, с. 157].

нованием известны раннескифское время в Китае [Шульга, 2015, с. 80—84] и Туве (Уйгарак кург. 70, 84.) (рис. 5, 2, 3) [Вишневская, 1973].

Единичными экземплярами представлены бронзовые трехгранные наконечники стрел с подтреугольной головкой, аналогичные раннескифским (Басовка, кург. 482). Эволюция данного типа стрел в данный период идет в сторону уменьшения длины втулки, и приобретения головкой башневидной формы (Тетюшино) (рис. 8, 6).

Редкими ¹ являются бронзовые четырехгранные наконечники стрел (Волковцы, кург. 478, городище у хут. Городище на Харьковщине [Либеров, 1962, с. 33, рис. 4, 21], второй колчаный набор кургана 2 у с. Перебыковцы (рис. 8, 3) [Смирнова, 1993, с. 115, рис. 9, 15], которые неизвестны в раннескифских комплексах восточноевропейской Лесостепи. Можно предполагать их восточное предположения.

Продолжают использоваться в редких случаях костяные пулевидные наконечники стрел, исчезающие к последней четверти VI в. до н. э. Разнообразием отличаются костяные наконечники данного периода Предкавказья (Нартан, Новозаведенное-II). В это время появляются квадратные в сечении костяные наконечники, специфические для Северного Кавказа. Интересно отметить наблюдение о том, что наборы со значительным количеством костяных стрел предшествуют наборам, в которых доминируют железные экземпляры [Бурков, Маслов, 1997, с. 121].

В погребениях Северо-Восточного Причерноморья известны железные втульчатые наконечники стрел (двух-, трехлопастных и трехгранных). Они найдены в Аксайском погребении (рис. 6, 8), к. 5 и 8 Нартанского некрополя [Батчаев, 1985, табл. 19, 28; 25, 26, 27], Таманском захоронении 1930/5 (рис. 8, 9—11) [Гайдукевич, 1959, с. 161, рис. 5]. Данные погребения могут быть датированы около середины VI в. до н. э. Важно отметить, что в погребениях Северного Причерноморья последней четверти VI — начала V вв. до н. э. железные наконечники уже отсутствуют, в то время как в Прикубани и Предкавказья начинают доминировать.

Стоит отметить то, что в колчанном наборе бронзовые наконечники стрел должны иметь приблизительно одинаковый вес. Это обусловлено тем, что стрелок должен быть уверен, что выпустив стрелу рефлекторно отработанным движением, разброс попаданий по дальности будет минимальным. Вероятно, поэтому первые базисные наконечники стрел были более

1. А.Ю. Алексеев пишет об аналогичной находке из п. 15/1914 Ольвийского некрополя, что не соответствует действительности [Скуднева, 1988, с. 71, рис. 8, 2]. Ошибка, очевидно, была почерпнута из работы А.И. Мелюковой, в которой, кстати, фигурируют отдельно комплексы стрел из Опишлянки и кург. 13 у с. Лихачевка, которые являются одним памятником [Мелюкова, 1964, с. 22].

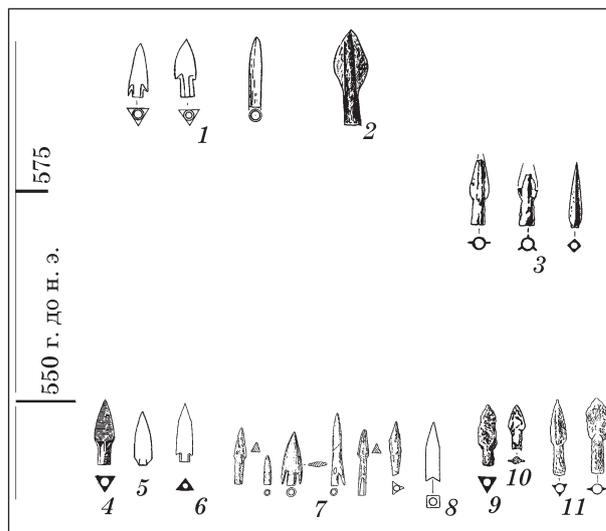

Рис. 8. Наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: 1 — Репяховатая Могила 2; 2 — Цукур-Лиман; 3 — Перебыковцы, кург. 2; 4, 9 — Басовка, кург. 482; 5 — Ольвия, погр. 1911/66; 6 — Тетюшино; 7 — Новозаведенное-II, кург. 17; 8 — Каменномостский могильник, погр. 2; 10 — Аксай-1, кург. 3/3; 11 — Нартан, кург. 5 (по: [Ильинская, 1968; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999; Скуднева, 1988; Батчаев, 1985; Петренко и др., 2006]); масштаб произвольный

массивны, чем классические среднескифского времени. Вес раннескифских наконечников стрел колеблется в среднем 3—4 г, в то время как классические базисные наконечники — 1,02—2 г, что позволяет допустить смену длины стрел и переход к меньшему, более жесткому луку в ССК [Дараган, 2015, с. 159, 160].

Детали колчанов. В данный период исчезают костяные столбики столь характерные для конструкции колчанов раннескифского времени. Вероятно, традиция создания колчанов была иная у первых носителей среднескифской материальной культуры.

Металлические колчаные застёжки продолжают использоваться. Известна серия бронзовых изделий, которые, судя по всему, генетически связаны подобными изделиями раннескифского времени (подборку см.: [Ромашко, Скоровый, Филимонов, 2014, с. 110—116]). Застёжку из одного из древнейших погребений культуры Сентеш-Векерзуг (погр. «В» Шайосентпетер) исследователи относят к концу VII в. до н. э. (Кеменцеи). Этим же временем датирует комплекс из Огородного ² И.В. Бруяко [Бруяко, 2005, с. 274]. Уточняет дату данных колчаных застёжек экземпляр из погр. 1910/12 Ольвийского некрополя, которое можно датировать около середины VI в. до н. э. [Скуднева, 1988, с. 55, 56; Гречко, 2012]. Не противоречит этой дате и наличие клвовидных бляшек-пронизок в

2. А.Ю. Алексеев справедливо отмечает неординарность данного комплекса и наличие материалов ССК [2003, с. 156].

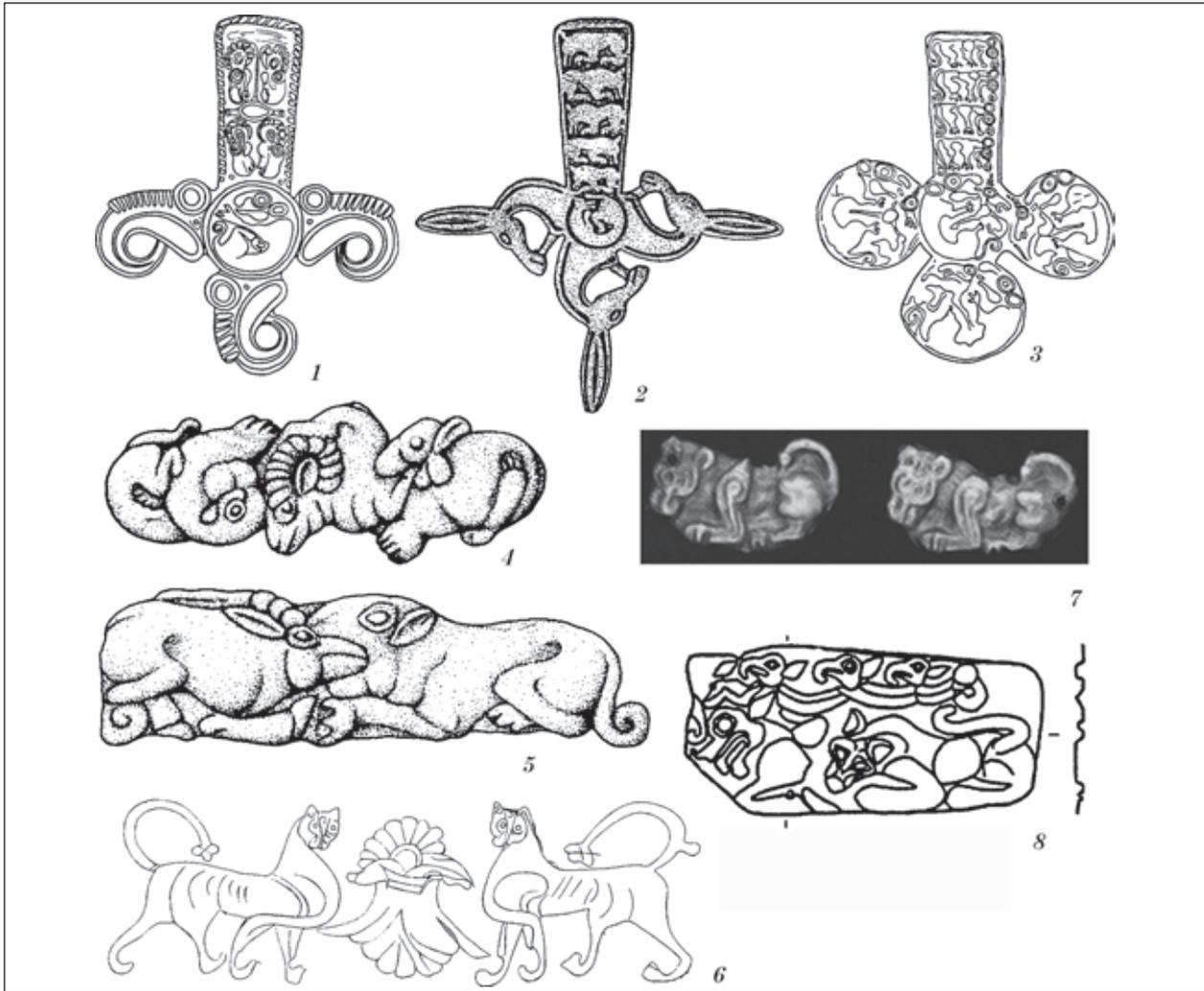

Рис. 9. Изделия с изображениями животных VI в. до н. э. юга Восточной Европы и аналогии: 1 — Ольвия, погр. 1910/12; 2 — Енковцы; 3 — Опишлянка; 4, 5 — Аржан-2; 6 — изображение на коринфском арибалле, Родос; 7 — Ульский курган 1909/2; 8 — Дунхейгоу, M102 (по: [Скуднева 1988; Кулатова, 1995; Мурзин 1984; Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010; Ульские курганы, 2015; Clara Rodos, 1936; Шульга, 2010]); масштаб произвольный

погр. «В» Шайосентпетера, которые широко известны и в комплексах второй половины VI в. до н. э. в Ульском могильнике [Лесков, 2015, табл. 18, 264, 267, 269] и Южном Приуралье [Очир-Горяева, 2012, илл. 332—333].

В декорировании колчанов видную роль начинают играть крестовидные бляхи, которые являются инновациями (рис. 9, 1—3). Происхождение *крестовидных блях* связывают с Днепровским лесостепным Левобережьем (подробнее см.: [Ольговский, 1995]), что является не бесспорным. География их распространения позволяет согласиться с Ю.Б. Полидовичем, что они маркируют путь перемещения их носителей из Волго-Донского междуречья (Аксай, Дугино) в Среднюю Европу [Полидович, 2013, с. 266, 267]¹. При анализе инноваций в

зверинном стиле юга Восточной Европы второй половины VI — начала V в. до н. э. Ю.Б. Полидович допускает, что новые изображения (Комсомольский, погр. 6 и др.) могут свидетельствовать об одном из восточных импульсов (миграций?) дошедших до, в частности, Поволжья, в данное время. Далее этот импульс, по мнению исследователя, проявляется в распространении крестовидных блях и связанных с ними изображениями животных [Полидович, 2013, с. 266].

Особенно стоит отметить, что композиционный прием в виде расположения хищников столбиком один над другим (рис. 10). Аналогии данной схеме на Шумейковском мече, зеркале из Гавриловки и костяном изделии с Бельского городища, позволили Ю.Б. Полидовичу говорить о лесостепном происхождении данного мотива [Полидович, 2000, с. 43, 44]. Сомнения в правильности данного утверждения возникают в виду наличия данной схемы на изделиях, включая оружие, из могильника Нань-

1. Интересным является отсутствие находок подобных изделий в Прикубанье и Предкавказье. При этом стоит учитывать в целом их единичность для степного региона.

шаггень в Северном Китае (погр. М1—12 и «погребение 1958 г.» (VIII в. до н. э.) (рис. 10, 4) [Таиров, 2007, с. 42, 194, табл. 17, 6, 21]. Кроме того, вертикальные изображения животных в горизонтальных рядах на бронзовых наборных поясах представлены в Аржане 2 (рис. 10, 1, 2) [Chugunov et al., 2004, s. 2—6; Chugunov et al., 2010]. Данные пояса имеют наконечник в виде головки хищной птицы, как и упомянутое изделие из Бельска (рис. 10, 5). Как деталь пояса использовалась крестовидная бляха из Зуевского могильника [Збруева, 1952, с. 37]. Все это позволяет, на мой взгляд, считать, данную схему восточной по происхождению (Северный Китай, Тува).

В любом случае, крестовидные бляхи не имеют истоков в Северном Причерноморье, и сама идея является привнесенной в готовом виде носителями ССК. Просуществовала данная традиция недолго, фактически одно поколение, и не получила распространения в более позднее время, что в свою очередь подтверждает ее неместный характер. Изображения животных, как и сами композиции на бляхах имеют восточное происхождение (Аржан 2, Синьцзян и др.) (рис. 9, 4, 5, 7, 8) [Полидович, 2010, с. 222]. Вопрос о происхождении формы крестовидных блях на данный момент, по моему мнению, остается открытым.

Ю.Б. Полидович отмечает прямые соответствия между комплексом изображений кургана Аржан 2 и некоторыми причерноморскими изображениями (рис. 9, 1—5). Анализ традиции позволил исследователю прийти к выводу о сложении серии причерноморских изделий (крестовидных блях и др.) под непосредственным влиянием аржано-казахстанской изобразительной традиции. Данное влияние связывается с волной мигрантов (памятники типа погребений у с. Комсомольский в Нижнем Поволжье), которые принесли некоторые изделия «восточного» типа и инновации в изобразительной традиции, что и положило начало формированию новой художественной традиции [Полидович, 2010, с. 222].

Привлекают внимание бляшки в виде кошачьих хищников (пантер?) из Витовой могилы со стеклянными вставками в глазах (рис. 11, 3—4) [Zakharov, 1932, p. 69, fig. 12]. Хищники имеют дополнительные изображения орлиных головок на лопатках и кончиках хвостов. Подобные головки украшали по кругу и умбовидный предмет, украшавший колчан из Витовой Могилы. Истоки данной изобразительной традиции, скорее всего, находятся в Прикубаньи и Закавказье, что четко фиксируется изображениями на псалях из ульского кургана 1909/2 (рис. 11, 1, 2). Лопатка животного в виде головки иных созданий находит аналогии на клыке из Нижней Эшеры, который датируется чернофигурной амфорой 530—520 гг. до н. э. (рис. 11, 5) [Шамба и др., 2008, с. 167]. Интересно, отме-

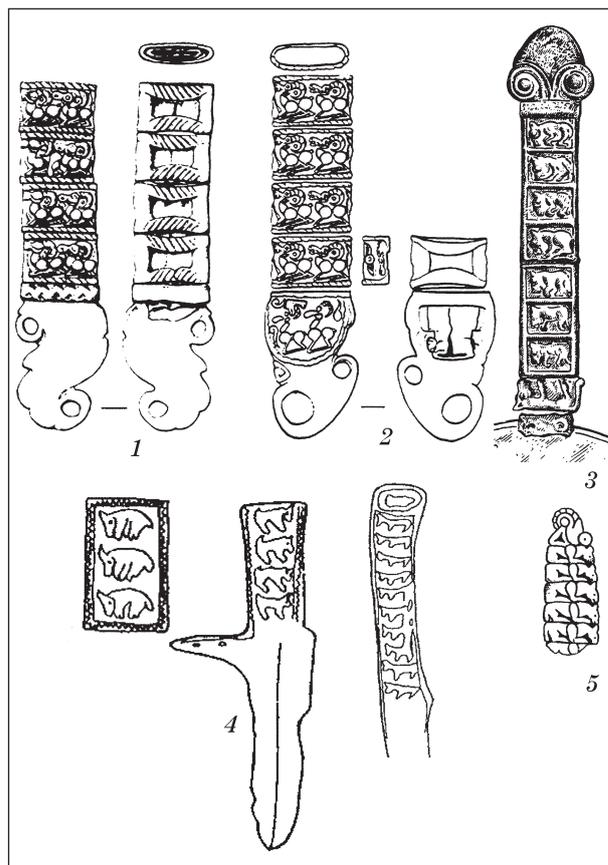

Рис. 10. Изделия с изображениями животных VII—VI вв. до н. э. Евразии: 1 — Аржан-2, мог. 26; 2 — Усть-Хадынныг I, кург. 4, мог. 3; 3 — Гавриловка; 4 — Наньшагень; 5 — Западное укрепление Бельского городища (по: [Ильинская, 1971; Шрамко 1987; Таиров, 2007; Chugunov et al., 2004]); масштаб произвольный

ченное исследователями изображение козла на известном навершии из Ульского кургана 1909/2, у которого выступающая лопатка имеет форму вертикальной орлиной головки [Эрлих, 2013, с. 221]. Для комплексов Аксая и Ольвии предпочтительна датировка 560—540-е, а для Опишлянки и Витовой Могилы — 530—520 гг. до н. э.¹ В целом, изображения хищников с дополнительными изображениями орлиных головок на плечах выполнены под ощутимым влиянием северокавказского зооморфного искусства эпохи архаики [Эрлих, 2013, с. 222].

Группа изделий из Ульских курганов была недавно вновь проанализирована В.Р. Эрлихом. Отмечается, что предметы второй хронологической группы (1909/1, 1982/10) были изготовлены в период, когда урартские мастерские уже прекратили свою работу, а ахеменидские еще не возникли. Серия изделий связывается с заказной продукцией закавказских и малоазиатских

1. Данное отличие в датах подтверждается составом колчаных наборов. Разница может объясняться продолжительностью жизни обладателей крестовидных блях, которые, вероятно, были представителями одного поколения.

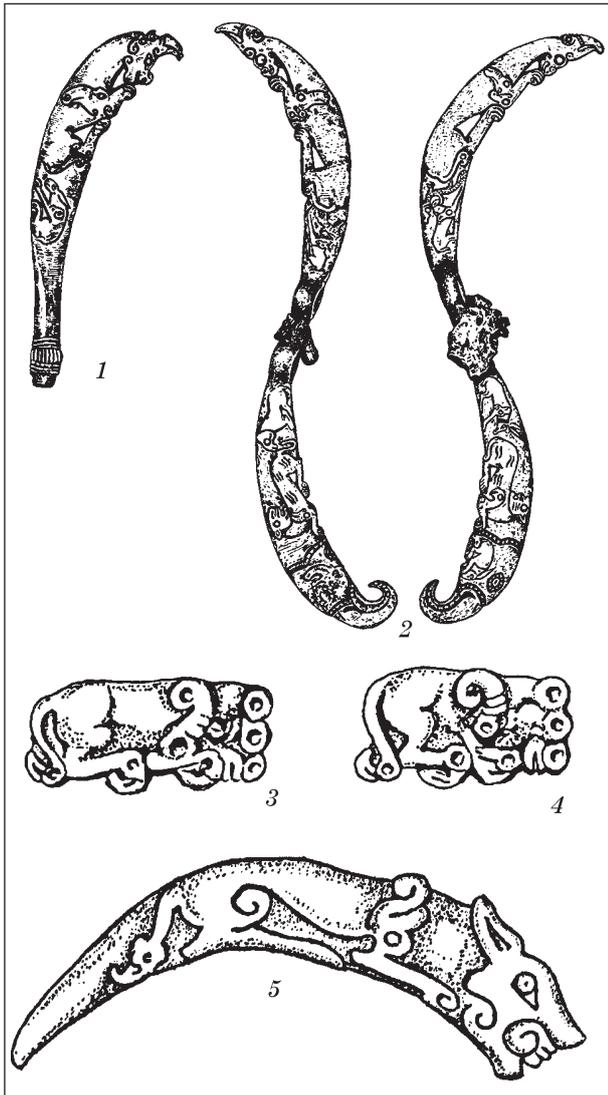

Рис. 11. Псалии из Ульского кургана 1909/2 и аналогии изображениям хищников: 1, 2 — Ульский курган 1909/2; 3 — Витова Могила; 4 — Опишлянка; 5 — Нижняя Эшера (по: [Ульские ..., 2015; Онайко, 1966; Шамба и др., 2008]); масштаб произвольный

мастерских для местной элиты. Уникальные серебряные псалии из кург. 1909/2 являются одними из древнейших двухдырчатых изделий в регионе (рис. 11, 1, 2). Изготовлением данных деталей узды, вероятно, занимался ближневосточный мастер, вероятно, в районе Колхиды либо Лидии. Аналогичными им являются железные псалии из кург. 1982/10, которые являются подражанием вышеупомянутым серебряным изделиям [Эрлих, 2013, с. 218—219]. Зооморфный золотой наконечник в виде головы лошади также изготовлен в смешанном стиле под мало- или переднеазиатским влиянием. Высокохудожественное навершие из кург. 1909/2 также, вероятно, было выполнено на заказ переднеазиатским мастером. С Малой Азией (Лидия) связаны и изображения горного козла с повернутой назад головой. Допускается изготовление данной серии изделий мастером-лидий-

цем непосредственно на территории Северного Кавказа (Колхида?) [Эрлих, 2013, с. 228].

Изображения хищника из Ульского кургана 1909/1, которым не были найдены аналогии (рис. 9, 10) [Переводчикова, 2015, с. 65], имеют параллели на пластинах из комплекса M102 Дунхейгоу (Синьцзян, Китай) (рис. 9, 8) [Шульга, 2010, с. 201, рис. 55, 11—12] и аналогии среди изображений на коринфских архаических сосудах (рис. 9, 6) [Clara Rodos, 1936, fig. 55].

Кроме того стоит отметить, и еще одну важную инновацию — небольшие металлические ворворки, которые получают широкое распространение в V в. до н. э. (рис. 12, 11, 12). В Северном Причерноморье и в Предкавказье древнейшие образцы найдены в переходных комплексах второй—третьей четверти VI в. до н. э. (Огородное, Купьеваха кург. 19, Перебыковцы, кург. 2, Новозаведенное-II, кург. 17). Они все небольшие, конические, в основном железные. Находки аналогичных ворворок раннескифского времени зафиксированы на Северном Кавказе [Батчаев, 1985, с. 42, табл. 48, 22; Дударев, Белинский, 2015, с. 344, рис. 252, 1—9].

Мечи с антенновидным навершием, которые получают максимальное распространение в среднескифское время, известны уже в раннескифское на Северном Кавказе [Махортых, 1991, с. 91—92]. К переходному периоду (около середины VI в. до н. э.) относится меч из погребения 2 Каменноостовского могильника (рис. 12, 1) [Батчаев, 1985, с. 8], погр. 5/1931 Таманского некрополя (рис. 12, 9) [Гайдукевич, 1959, с. 160] и экземпляры из погребения 23 (ближе к началу последней четверти столетия) у Комсомольского (рис. 12, 8) [Дворниченко и др., 1997, рис. 5, 1, 2].

Есть, вероятность того, что парадное оружие из погребений последней четверти VI в. до н. э. украшенное эмальями, сканью и зернью было произведено не в мастерских азиатского Боспора [Онайко, 1966, с. 170]¹, а в Закавказье, Передней или Малой Азии. Традиция создания украшений с эмальями и треугольниками зерни существовала и в Передней Азии² (напр., келермесская пантера и меч) и Восточном Казахстане [Семенов, 1965, с. 156—176]. Исследователи ульских изделий указывают на однозначные параллели в Передней Азии [Переводчикова, 2015, с. 64—68]. В целом, золотые изделия переходного периода имеют, по всей видимости, не греческое происхождение. Можно на данный момент принять предположение В.Р. Эрлиха об изготовлении серии изделий на Северном

1. А.Ю. Алексеев считает данные изделия греческими. Против греческого производства данных изделий свидетельствует отсутствие вещей украшенных эмальями на античных памятниках Северного Причерноморья до середины V в. до н. э. (подробнее см.: [Алексеев, 2003, с. 200, 201]).

2. На это указывала и Н.А. Онайко [Онайко, 1966, с. 166].

Рис. 12. Предметы вооружения переходного периода: 1 — Каменномоетский могильник, погр. 2; 2 — Гороховка; 3 — Райгород, кург. 2; 4 — Любница; 5 — Шумейко; 6 — Шолохово; 7 — Великомихайловка, кург.; 8 — Комсомольский, погр. 23; 9 — Тамань; 10 — Аксай-1, кург. 3/3; 11, 13 — Купьеваха, кург. 19; 12 — Огородное, кург. 9/5 (по: [Ильинская 1968; Медведев, 1999; Bukowski, 1977; Волкобой и др., 1979; Батчаев, 1985; Дьяченко и др., 1999; Дворниченко и др., 1997; Гайдукевич, 1959; Бойко, Берестнев, 2001; Субботин и др., 1971]); масштаб произвольный

Кавказе или в Закавказье (Колхида) мастерами (или под их влиянием) из Малой Азии (Лидия). Безусловно, данная проблема требует нового осмысления на современном уровне знаний и заслуживает отдельной работы.

Интерес представляют два биметаллических меча из кург. 2 у с. Райгород (рис. 12, 3) [ДП Ш, 1900, табл. XXXVIII, 166] и кург. 13 у с. Шолохово (рис. 12, 6) [Волкобой и др. 1979, с. 50, рис. 8, 3], которые относятся к переходному периоду и могут быть датированы около середины VI в. до н. э. Их кавказское происхождение более чем вероятно [Топап, 2015, с. 54—79]. Интересно, что на фотографии в публикации меча из Райгорода на

перекрестье присутствует крупная металлическая ворворка с отверстием по центру, аналогичная деталям колчанов¹ (рис. 12, 3) [ДП Ш, 1900, табл. XXXVIII, 166]. Близок данным кинжалам биметаллический меч из Любницы (рис. 12, 4), который был обнаружен на поверхности грунтового могильника лужицкой культуры периода На С—D [Bukowski, 1977, с. 82—85, tabl. XII, 1]. Для переходного периода характерным является крупное почковидное перекрестье округлых очертаний (Райгород, Шолохово, Шумейко и др.).

1. Судя по датировке комплекса, данное изделие является древнейшим в Северном Причерноморье.

Наконечники копий в комплексах переходного времени были найдены лишь в кург. 19 Купьевахского могильника. Форма пера все еще имеет близкую к лавролистной форму, но уменьшается ширина и отсутствует нервюра (рис. 12, 13) [Бойко, Берестнев, 2001, с. 129, рис. 42, 3, 4].

В нескольких комплексах с каменными изваяниями найдены остатки защитного снаряжения (Шолохово, Великомихайловка, Роблена Могила, Ясиноватая). В то время как, в комплексах с крестовидными бляхами остатков доспеха не выявлено ¹.

Узда. Комплекс кургана 17 могильника Новозаведенное-II показывает, что трехпестельчатые железные псалии продолжали использоваться и в третьей четверти VI в. до н. э. [Петренко и др., 2006, с. 408, рис. 4]. Трехдырчатые костяные псалии из Румынии также имеют хронологическую привязку: псалий из Истрии датирован серединой VI в. до н. э. [Vergiu, 1963, с. 192], а для изделия из Тариверде предпочтительна вторая половина данного столетия [Бруяко, 2005, с. 156].

К переходным формам конской узды, безусловно, относятся, двухпестельчатые псалии (рис. 13). Подобные немногочисленные изделия были выделены в отдельные типы (П.3.1.1, П.5.1.2) А.Д. Могиловым [Могилов, 2008, с. 253, 254].

Бронзовые двухпестельчатые псалии с зооморфным окончанием были найдены в Шумейковском кургане ² (рис. 13, 1) [Ильинская, 1968, с. 24, рис. 24]. Судя по фиксации удила между двумя петлями, к данному типу относятся псалии из Витовой Могилы ³ в Поворсклье (рис. 13, 2) [Zaharov, 1932, p. 65, fig. 10] и из окрестностей Смелы на Правобережьи (Пастырское или Михайловка) ⁴ (рис. 13, 3) [Могилов, 2008, с. 36, рис. 74, 2, 3]. Аналогичные псалии были найдены в захоронении в насыпи взнузданной голо-

вы лошади в кургане № 1 могильника Кривая Лука VI в Поволжья (рис. 13, 6) [Очир-Горяева, 2012, с. 236—237]. Два аналогичных экземпляра было обнаружено в Ульском кургане 1982/10 ⁵ (рис. 13, 4, 5) [Лесков, 2015, с. 46]. Достаточно многочисленная группа двухпестельчатых псалиев известна в могильниках ананьинской культуры (рис. 13, 7—9) [Збруева, 1952; Халиков, 1977]. Как мы видим, на сегодня это уже достаточно представительная группа изделий переходного периода.

Относительно абсолютной датировки данной группы изделий можно привести следующие соображения. Дата Витовой Могилы может определяться по аналогии с изображением хищника с дополнительной орлиной головкой на лопатке и кончике хвоста на клыке из Нижней Эшеры, который датируется чернофигурной амфорой 530—520 гг. до н. э. (рис. 11, 1, 2) [Шамба и др., 2008, с. 167]. К близкому времени относится и комплекс Ульского кургана 1982/10 и 1909/2 [Лесков, 2015, с. 217—218]. Наиболее многочисленная серия железных двухпестельчатых псалиев происходит из раннеананьинских могильников (три комплекса Старшего Ахмыловского могильника и один — из Зуевского) (рис. 13) [Збруева, 1952, с. 62, табл. XII, 4; Халиков, 1977, с. 226]. Погребения 563 и 812 ⁶ Старшего Ахмыловского могильника не содержали иного инвентаря. В погребении 900 данного некрополя псалии были найдены вместе с акозинско-меларским кельтом типа I Va 1, втульчатыми железными наконечниками стрел и копья (рис. 13, 7). Исследователь датирует данный комплекс предпочтительно первой половиной—серединой VI в. до н. э. [Халиков, 1977, с. 226]. К сожалению, четких хронологических индикаторов не найдено и есть основания допускать датировку данного комплекса и третьей четвертью данного столетия.

Здесь стоит отметить, что подобные псалии по форме стоят ближе к трехпестельчатым экземплярам келермесского типа (форма, петли), чем к двухдырчатым (S-видная форма, восьмерковидные утолщения вокруг отверстий). Их, вероятно, правомерно будет считать последним (по всей видимости, тупиковым) звеном в цепи эволюционного развития данной формы псалиев раннескифского времени. Возможно, данные изделия появились в переходное время, когда уже использовались двухдырчатые псалии и, видимо, являются свидетельствами попытки модернизировать старую, во многом уже традиционной формы, узду в соответствии с требованиями времени.

5. В.Р. Эрлих один из них реконструирует как трехпестельчатый [Эрлих, 2015, с. 46], что, с учетом находки целого экземпляра, мне кажется маловероятным.

6. Псалий биметаллический.

1. Имеется лишь информация о находке шлема в Енковцах, который не сохранился [Кулатова, 1995, с. 139—141].

2. Нельзя исключать принадлежность бронзовых двухпестельчатых псалиев и донышка чернофигурного килика отдельному комплексу конца VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 182].

3. Сохранность псалиев из Опишлянки не позволяет утверждать были ли они двухдырчатыми или пестельчатыми.

4. Можно высказать предположение, что данные псалии входили в состав инвентаря кург. 2 у с. Райгород. Во-первых, в составе инвентаря данного погребения с биметаллическим мечем и ионийским киликом входили железные псалии [Ильинская, 1975, с. 21]. Во-вторых, Михайловка (бывшие Пруссы) расположены по соседству с Райгородом, у которых и проводил исследования В.В. Хвойка. В-третьих, хронологическое соответствие и принадлежность одному (переходному) периоду. Как вариант можно рассматривать, расположенный на незначительном расстоянии синхронный кург. 319 у с. Гуляй-Город, в котором также были найдены псалии, хотя и прямые, что делает первую версию более правдоподобной.

Рис. 13. Двухпетельчатые и двухдырчатый псаалии: 1 — Шумейко; 2 — Витова Могила; 3 — Михайловка (Пруссы) или Райгород; 4, 5 — Ульский курган 1982/10; 6 — Кривая Лука VI, кург. 1; 7 — Старший Ахмыловский, погр. 900; 8 — Старший Ахмыловский, погр. 563; 9 — Зуевский могильник; 10 — Нартан, кург. 5 (по: [Збуева, 1952; Халиков, 1977; ДП Ш; Ульские курганы..., 2015; Zakharov, 1932; Ильинская, 1968; Очир-Горяева, 2012; Батчаев, 1985]); масштаб произвольный

В конце периода Западного Чжоу (около 800 г. до н. э.) на Центральной равнине Китая появился новый тип узды, который будет использоваться практически два тысячелетия. Долгое время псаалии имели две петли (рис. 14). Именно Китай, Минусинскую котловину и Монголию есть основания считать местом появления подобного конского снаряжения с бронзовой фурнитурой [Шульга, 2015а, с. 123, рис. 129, 10, 12—14].

Местом изобретения новой узды П.И. Шульга предполагает восточную часть степной Евразии, поскольку на западе не было переходных форм узды, а трехпетельчатые псаалии использовались до конца VI в. до н. э., в то время как на Алтае и в Туве они сменяются двухдырчатыми около середины VI в. до н. э. [Шульга, 1998, с. 34]. К аналогичному выводу приходит и А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 180, 181]. Двухпетельчатые псаалии юга Восточной Ев-

ропы говорят об обратном и, вероятно, свидетельствуют о близости процессов, которые протекали на всей территории евразийских степей в связи с распространением с востока нового типа конского снаряжения.

Как мы видим, переходные формы от раннескифских псаалиев к среднескифским известны на Алтае, Волго-Донском междуречье, Прикубанье и Северном Причерноморье, то есть фактически во всех регионах, которые в это время имели постоянное население или, вероятно, были местами сезонных перекочевок (Поволжье).

* * *

Одними из древнейших двухдырчатых псаалиев на юге Восточной Европы являются серебряные изделия из Ульского кургана 1909/2 (рис. 11, 1, 2), железные псаалии с одним загнутым концом

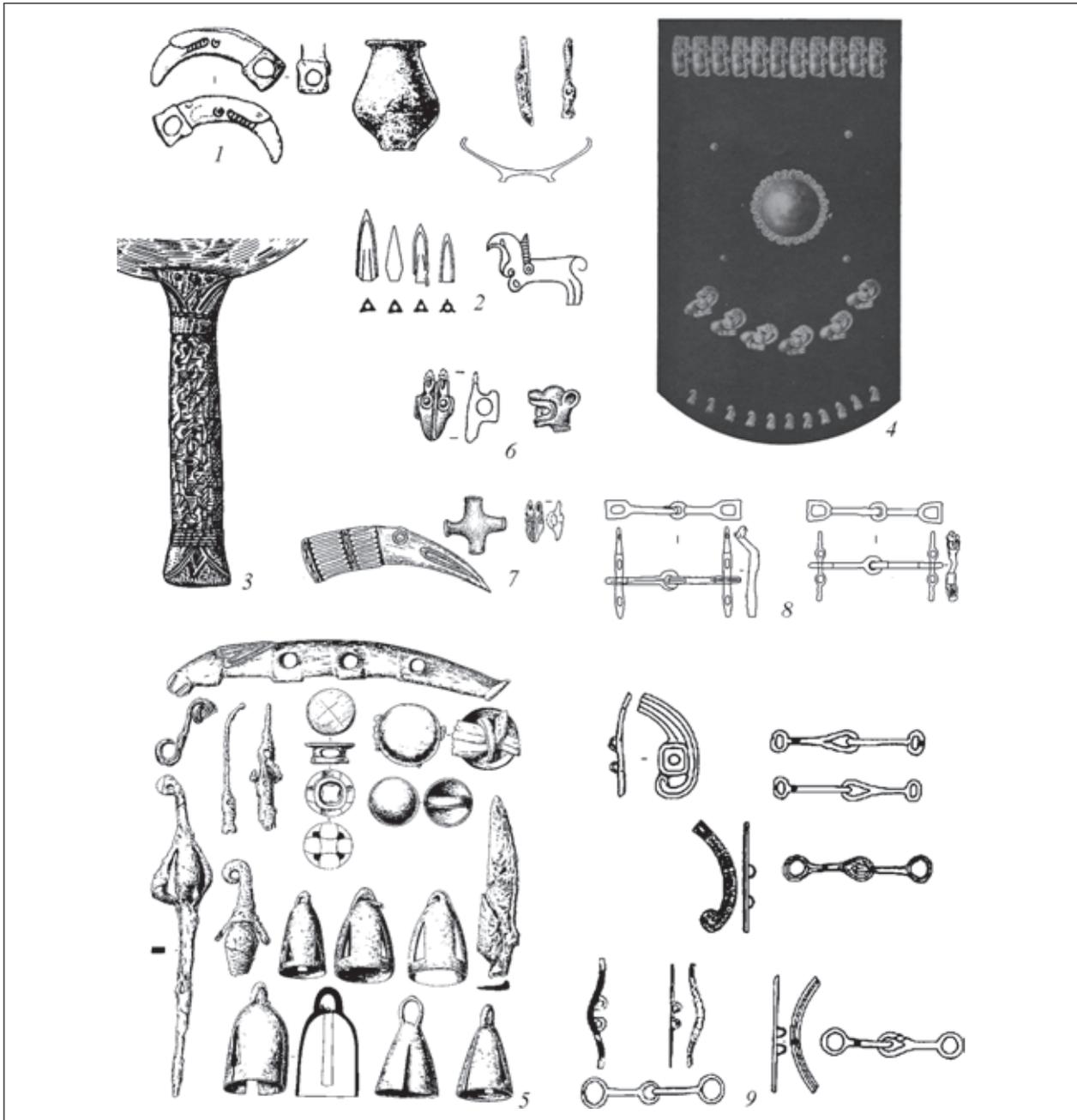

Рис. 14. Материалы переходного периода Евразии: 1 — Юбилейный-2, кург. 1; 2 — Опишлянка; 3 — Гладковщина, кург. 499; 4 — Витова Могила; 5 — Волковцы, кург. 477; 6 — Гуляй-Город, кург. 48; 7 — Гуляй-Город, кург. 319; 8 — конское снаряжение из участка 1 могильника Юйхуанмяо; 9 — удила и псалии из Центральной равнины Китая (по: [Кулатова, 1995; Кузнецова, 2010; Галанина, 1977; Ильинская, 1975; Шульга, 2008; 2010; 2015; Zakharov, 1932]); масштаб произвольный

и шпешечкой из кургана 5 Нарганского могильника¹ (рис. 13, 10) [Батчаев, 1985, с. 24, рис. 19, 6], и кургана 477 у с. Волковцы (рис. 14, 5) [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22]. Последний комплекс привлекает внимание сочетанием двух пар железных удил с костяными трехдырчатыми псалиями и два комплекта с железными псалиями, одни из кото-

рых точно были двухдырчатыми, а второй — не исключено, с двухпетельчатыми псалиями² [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22, 3, 4]. Близок двухпетельчатым изделиям псалий из Каневского уезда [Могилов, 2008, с. 280, рис. 65, 9]. Железные двухдырчатые стержневидные псалии с зооморфно оформленным концом (орлиная голова) связы-

1. Данная форма является наиболее архаичной среди двухдырчатых псалиев и близка раннескифским трехпетельчатым и переходным двухпетельчатым псалиям, что уже отмечалось исследователями [Махортых, 1991, с. 70].

2. В целом, комплекс можно с большой долей вероятности считать аутентичным, хотя убрав лишь одну находку (фрагмент железного двухдырчатого псалия вдетого в кольцо железных удил), курган относился бы, бесспорно, к раннескифскому времени.

ваются С.В. Махортыхом своим происхождением с подобными трехплетельчатыми изделиями раннескифского времени [Махортых, 1991, с. 71].

Двухдырчатые псалии известны в Средней Азии с VIII—VII вв. до н. э., а конструктивная смена деталей конского снаряжения является общим явлением для всего степного пояса (подробнее см.: [Шульга, 1998, с. 34; Алексеев, 2003, с. 179]). В Туве (Альды-Бель-1) известен случай пропускания двухдырчатых псалиев в окончания стремявидных удил [Грач, 1980, рис. 83, 2, 30; Чугунов, 2005]. Аналогичная система крепления отмечена и в Китае. Все эти комплексы относятся к раннескифскому времени (рис. 14, 8). Это позволило П.И. Шульге утверждать о появлении данного способа крепления на Алтае и Туве в данный период, но сразу широкого распространения он не получает [Шульга, 2008, с. 78]. Находки в Измайовке и Талдысайский клад [Бейсенов, Смаилов, 1998] четко указывают на появление подобной конструкции на территории Казахстана и Алтая в конце VII — начале VI вв. до н. э.) [Шульга, 2008, с. 76]. Исследователь отмечает использование двухдырчатых псалиев в Юйхуанмяо (участок / этап 1) во второй половине VII в. до н. э. (рис. 14, 8) [Шульга, 2015а, с. 235, рис. 64].

Ныне металлические двухдырчатые псалии встречены дважды вместе с костяными раннескифскими аналогами в раскопанных в дореволюционное время комплексах (рис. 14, 5), но в разных наборах узды. Сосуществование двухплетельчатых и костяных трехдырчатых изделий, вероятно, говорят об определенном переходном периоде при смене типов конской упряжи [Могилов, 2008, с. 111—113]. Нет возможности допускать использование костяных трехдырчатых псалиев в последней четверти VI в. до н. э.

В целом, можно согласиться с А.Ю. Алексеевым о проникновении в Европейскую Скифию нового типа конского оголовья с востока, но не в последние десятилетия VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 171], а не позднее третьей четверти данного столетия¹. Создателями классических двухдырчатых псалиев можно считать население Китая, Монголии, Алтая, Тувы, которые попав в Предкавказье и Прикубанье, были восприняты и получили локальные черты. Массово сериями весь комплекс конской узды нового (среднескифского) типа находит аналогии в комплексах второй половины VI в. до н. э. данного региона.

1. Курган 5 Наргана, судя по колчанному набору, кубовидной пряжке для перекрестных ремней, должен датироваться не позднее второй—третьей четвертей VI в. до н. э. Колчанный набор из кургана 1 более поздний (вероятно, рубежа VI—V вв. до н. э.), о чем говорит иное соотношение типов стрел и другой инвентарь, и не синхронен кургану 5, как считает А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 171]. Первой половиной VI в. до н. э. данный комплекс датирует С.В. Махортых, при этом отмечается, что период широкого распространения двухдырчатых псалиев приходится на вторую половину этого столетия [Махортых, 1991, с. 70].

* * *

Маркерами погребений переходного периода являются находки пряжек-пронизок для перекрестных ремней различной формы и оформления, которые хорошо известны с раннескифского времени (рис. 14, 6, 7). В целом, данные изделия, судя по всему, прекращают использоваться в новой узде в конце VI в. до н. э. В.А. Ильинская отмечала данный факт и указывала на единичные более поздние комплексы — кург. 1 у с. Аксютинцы (1886) и № 2 у с. Волковцы (1897 г.)² [Ильинская, 1968, с. 109].

Одним из древнейших комплексов, где фиксируется появление нового типа конского оголовья является курган у хут. Шумейко [Ильинская, 1968]³. Для датировки Шумейковского кургана важное значение имеют параллели изображениям (горный козел с повернутой назад головой и лежащая пантера) на плакированном золотом мече в Ульских курганах 1909/2 и 1909/1, Опишлянке и Витовой Могиле, что говорит об их близости во времени и принадлежности переходной группе памятников. В целом, позднеархаический комплекс, можно синхронизировать с курганом 499 у с. Гладковщина, который датируется килликом около 560—540 гг. до н. э., кург. 38 Гуляй-Города и древнейшими комплексами с крестовидными бляхами. В кургане Шумейко, наряду с несколькими наборами раннескифского типа имеется уже упомянутый комплект узды нового типа. Кроме бронзовых псалиев, внимание привлекают бронзовые бляхи с изображением в фас головы коня. В классических достоверных раннескифских и среднескифских комплексах они не известны. Еще одним древнейшим погребением переходного периода (около второй четверти—середины VI в. до н. э.) является кург. 38 Гуляй-Города [Ильинская, 1975, с. 14, 15]. В данном комплексе, среди многочисленного инвентаря были найдены аналогичная бляшка и зеркало «ольвийского типа», которое и уточняет датировку [Гречко, 2012, с. 80—82]. В данном некрополе аналогичные бляшки были обнаружены также в кург. 48 и 319⁴ [Ильинская, 1975, с. 112]. Подоб-

2. Комплекс содержал крестовидную бляху, которая вторично была использована в конском снаряжении [Ильинская, 1968, с. 128, рис. 37].

3. В состав инвентаря кургана Шумейко была ошибочно включена и бронзовая фигурка быка обтянутая золотом [Алексеев, 2003, с. 199, 200]. На сегодня, что-то утверждать по поводу изъятия определенных находок из данного комплекса сложно, а подобные действия будут субъективными и отражать исследовательскую позицию на хронологию материальной культуры данного периода. Можно лишь учитывать тот факт, что музейные коллекции являются часто перепутанными [Могилов, 2008, с. 113] и необходимо относиться с осторожностью к дореволюционным комплексам.

4. В данном комплексе были обнаружены еще бронзовая крестовидная пряжка-прониз и, что очень важно, резной клык кабана в виде головки птицы [Ильинская, 1975, с. 17, табл. 4, 6, 7]. Оформление глаза птицы находит прямые аналогии в Ульском кургане 1909/2.

ные изделия найдены в кург. 4/1 у с. Волковцы (раскопки И.А. Линниченко)¹ [Ильинская, 1968, с. 51]. Аналогии вне восточноевропейской Лесостепи мне не известны. Напоминают данные изделия бляшки с петлей на обороте из Новопривольного в Нижнем Поволжье и Матвеевского кургана в Южном Приуралье [Очир-Горяева, 2012, илл. 269, 3; 348, 3]. Подобные бляшки известны и в Посулье (Аксютинцы) [Ильинская, 1968, табл. XVII, 9]. При этом, изображения отличаются, а сами изделия не являются пряжками-пронизками и относятся к более позднему времени. Все это позволяет говорить о местном происхождении данных деталей конской узды.

Подвески из когтей и когтевидные пряжки-пронизки для перекрестных ремней продолжают использоваться в переходный период (Волковцы кург. 478) [Галанина, 1977, с. 45, табл. 23, 30]. Подобные пряжки в комплексах последней четверти VI в. до н. э. на юге Восточной Европы неизвестны (позднейший комплекс, вероятно, Ульский курган 1982/10). В то же время, в Южном Приуралье когте- или клювовидные изделия массово встречаются и в памятниках V в. до н. э. [Очир-Горяева, 2012, с. 191—193, 300, 301 и др.].

Есть еще одна группа предметов, которая появляется именно в переходный период в Северном Причерноморье, имеет прямые аналогии в более раннее время в Прикубани и Предкавказьи. Это усеченно-конические колокольчики с прорезями. Древнейшим комплексом в Лесостепи является переходный комплекс в кург. 477 у с. Волковцы (рис. 14, 5) [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22, 10—12, 14—16]. Позднее, начиная с конца VI в. до н. э., они будут широко представлены в кочевнических захоронениях региона [Могилов, 2008, с. 86, 87]².

Рубчатый кант вокруг глаза В.Р. Эрлих считает признаком переднеазиатского искусства [2013, с. 224]. Крестовидная пронизь имеет прямые параллели в комплексах Приаралья (Уйгарак, кург. 70, 83, Тагискен кург. 55) [Вишневецкая, 1973, с. 150, табл. XVIII, 33; XIX, 7].

1. Данный комплекс несколько более поздний в рамках переходного периода и синхронизируется с комплексами Витовой Могилы и Опишлянки [Zaharov, 1932, p. 69, 77], благодаря наконечникам стрел.

2. Подобные колокольчики, вероятно, также кавказского происхождения, были найдены в раннескифском комплексе у с. Коцюбинчики в Поднестровье [Бандрівский, 2015, с. 360, рис. 181]. Близкие наборы с колокольчиками и бронзовыми навершиями известны в старших комплексах культуры Вежерзуг в Алфельде [Бруйко, 200, с. 275, рис. 72, 280; Kemenczei, 2009, p. 51—55]. В целом, данные комплексы не должны быть сильно оторваны во времени от основного массива погребений данной культуры и могут быть связаны с началом переходного периода. В это время в Северном Причерноморье появляются группы кочевников с востока и Северного Кавказа, которые, по всей видимости, имели отношение к появлению новой материальной культуры (ССК) и разложению городищ в Средней Европе во второй четверти—середине VI в. до н. э.

* * *

Как показал анализ комплексов, в переходный период³ на каком-то этапе сосуществуют позднейшие раннескифские (РСК-3ф (финальные); Шумейко, Журовка 447, Гладковщина 499 и др.) и древнейшие среднескифские (ССК-1а; Аксай, Гусарка, серия ольвийских захоронений⁴ и др.) комплексы. Ныне его можно датировать второй—третьей четвертью VI в. до н. э. Период репрезентуют комплексы, содержащие свидетельства контакта двух культур. Периодизацию памятников VI в. до н. э. можно представить в виде таблицы.

Несколько слов необходимо сказать об изменениях материальной культуры. Правомерно будет сравнить материалы позднейших захоронений РСК (первая половина VI в. до н. э.) и древнейших ССК (вторая—третья четверть VI в. до н. э.), а не в целом РСК и ССК—ПСК [Алексеев, 2003, с. 168—185, 397, рис. 24]. Предметы вооружения и воинской амуниции ССК типологически отличаются от более ранних. Инновации можно связывать с деятельностью мастеров Северного Кавказа, а изменение типа конской узды — с эпохальными изменениями в степях Евразии.

Серию ярких инноваций в материальной культуре населения Северного Причерноморья можно связывать с восточным культурным импульсом, который напрямую через группы кочевников из Центральной Азии вместе с мигрантами из Предкавказья была привнесена в регион. Далее был период сосуществования различных элементов материальной культуры. При этом часть инноваций возобладала лишь к последней четверти VI в. до н. э. (узда, вооружение) при продолжении, хотя и дискретном, традиции создания серии раннескифских категорий изделий (бронзовые котлы, навершия)⁵ [Алексеев 2003, с. 172, 173].

Женских погребений второй половины VI в. до н. э. (начало ССК) мне не известно, поэтому сравнивать украшения и предметы туалета проблематично. Судя по материалам архаического некрополя Ольвии, каменные блюда и зеркала ольвийского типа продолжают использоваться и во второй половине VI в. до н. э. [Скуднева, 1988, с. 48, 49, 68, 69, 92, 93, 112—115].

3. В несколько ином виде (не указывается на сосуществование позднейших раннескифских комплексов и древнейших среднескифских памятников, которые, вероятно, имели разное этнокультурное содержание) и частично другой датировкой (вторая половина VI в. до н. э.), А.Д. Могиловым первым была выделена переходная IV архаические группа / этап [Могилов, 2008, с. 111—113], которому и принадлежит заслуга в данной попытке детализировать хронологию комплексов VI в. до н. э.

4. Вопрос об их этнической интерпретации достоин отдельного исследования.

5. Данные категории материальной культуры также связаны с Северным Кавказом и могли входить в новый комплекс материальной культуры.

Возможный вариант периодизации памятников переходного периода

Годы до н. э.	Комплексы
580/560—540/530	РСК-3ф (580—540): Шумейко, Гладковщина кург. 499, Журовка кург. 447, Перебыковцы, кург. 2, Новозаведенное-II, кург. 6, 17; ССК-1а (560—540): Аксай-1 кург. 3/3, Куцеволовка, Купьеваха кург. 19, Тетюшино, Басовка кург. 482, Нартан кург. 5, Ольвия 1910/12, 1909/6, 1911/66, 1911/52, Таманский некрополь, погр. 3/1931 г., Огородное кург. 9/5
530—520	Витова Могила, Опишлянка, Гусарка, Скоробор кург. 4, Нижняя Эшера

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ СЕРЕДИНЫ—ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI в. до н. э.

Сразу следует оговориться, что для уверенной реконструкции событий данного периода мало данных и мои реконструкции носят дискуссионный характер и не претендуют на окончательность выводов.

Как мы видим, запустения Северного Причерноморья во второй—третьей четвертях VI в. до н. э. не было¹. Смена культур произошла не стремительно, как отмечают исследователи, а постепенно во второй—третьей четвертях VI в. до н. э. Наши данные показывают наличие определенного переходного периода продолжительностью около полувека. Сложным является вопрос об этнокультурном содержании восточного импульса середины VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 184]. Я поддерживаю мнение А.Ю. Алексеева, что он имел не только новую культурную, но и в какой-то степени этническую основу. А.Ю. Алексеев отмечает, что появление новой группы кочевников (предположительно скифов, вытесненных массагетами), возможно, описано у Геродота (IV, 10) и у Диодора (Diod., II, 43) [Алексеев, 2003, с. 27, 67].

Исходная территория миграции новых кочевников, как и для других переходных периодов, определяется с трудом. Есть основания согласиться с А.Д. Таировым и реконструировать проникновение кочевников в переходный период из Тувы и Минусинской котловины через предгорья Алтая² в Восточный Туркменистан, Юго-Восточный Казахстан и далее через Семиречье и Южное Приуралье вплоть до Северного Причерноморья.

Анализ изменений в сфере погребальной обрядности и материальной культуры может говорить, что, кроме относительно немногочисленных

групп кочевников из Центральной Азии³, среди пришельцев преобладали выходцы из Предкавказья и Прикубанья. Что согласуется с мнением части исследователей о возвращении части скифов с Кавказа в Северное Причерноморье после переднеазиатской эпопеи, хотя и спустя определенный период проживания на Северном Кавказе [Мозолевский, 1990, с. 27, 28].

Можно предполагать разнородность и относительную немногочисленность пришедших кочевников. Нельзя исключать, что отдельные группы кочевого населения могли проникать в восточно-европейскую Лесостепь напрямую через Волго-Донское междуречье, минуя Предкавказье.

Маршруты перемещения кочевников в Северное Причерноморье в середине—второй половине VI в. до н. э., вероятно, отличался от направления движения периода архаики — с Кавказа через Крым в Поднепровье [Алексеев, 2003, с. 160]. В Крыму отсутствуют погребения кочевников переходного периода (вторая—третья четверти VI в. до н. э.). Разрушения в Таврике относятся к несколько более позднему периоду (концу VI — первой трети V вв. до н. э.) [Чистов, 2002, с. 259—261]. Следы пожаров именно третьей четверти (не позднее 30-х гг.) VI в. до н. э. зафиксированы лишь на Тамани (Кепы) [Кузнецов, 1991, с. 36, 37]. В это время гибнет Таганрогское поселение [Копылов, 2006, с. 81—87]⁴. Вышеприведенные данные и картографирование крестовидных блях указывает на путь новых кочевников в Северное Причерноморье через низовья Дона. Удобная переправа в низовьях Дона расположена у хут. Дугино, где найдена одна

3. Интересен клык кабана с отверстием и резным изображением головы орла с восковицей из Опишлянки, который находит аналогию в более раннем захоронении быстрианской культуры Алтая (Юбилейный 2 кург. 1) (рис. 14, 1) [Шульга, 2015, с. 160, 161, рис. 60, 2]. В этом отношении интересен и роговой двухдырчатый псалий из окрестностей Кисловодска [Крупнов, 1960, с. 436, табл. XIV, 9], который имеет черты еще традиций раннескифского времени исключительно Алтая [Шульга, 2015, с. 89]. Данное изделие, вероятно, подсказывает направление контактов (миграций) переходного периода.

4. В связи с этим интересно предположение Т.М. Кузнецовой о конфликте в середине данного столетия между скифами и греками, связанного борьбой за торговые связи с населением Лесостепи [Кузнецова, 1994, с. 5—7].

1. Не являются сторонниками хронологического разрыва в первой половине VI в. до н. э. А.Ю. Алексеев [2003, с. 27], И.В. Брумяко [2005, с. 243].

2. Данное движение и могло привести к смене облика материальной культуры данного региона, а наличие переходных комплексов может говорить об отсутствии разрыва между памятниками раннескифского времени и ранними пазырыкскими.

из блях [Копылов, 1994, с. 90]. Далее путь пролегал через водораздел рек бассейна Днестра и Азовского моря. Комплекс Гусарки четко расположен на перекрестке дорог к переправам через Днестр — одна в район современного Запорожья и севернее (Великомихайловка, где имеет место раздвоение Муравского Шляха [Бессонова, 2009, с. 47]), а вторая — к Никополю (Шолохово).

Миграции племен могли происходить в несколько этапов. Сперва в регион проникала небольшая группа, а затем начиналась массовая миграция. При этом могло происходить и разновекторное движение [Тернавский, 2009]. Доминирование основных погребений отличает характер событий данного периода от первой стадии кочевания С.А. Плетневой (впускные одиночные погребения) и ситуации последней четверти VI в. до н. э. Можно предположить, что основная масса мигрантов с востока прошла транзитом через Северное Причерноморья в Центральную Европу около середины VI в. до н. э., принесла туда, в частности, традицию изготовления крестовидных блях. Часть номадов, в основном северокавказского происхождения, влилась в объединение племен Днепро-Донецкого лесостепного Левобережья, чему способствовало, вероятно, общее происхождение с кочевниками, которые проникли в регион в раннескифское время, либо заняли часть пустующих степей. Движение центральноазиатских кочевников в Северное Причерноморье и, периодически, далее в Центральную Европу через Северный Кавказ неоднократно имело место в начале раннего железного века [Брумяк, 2005, с. 142, рис. 31] и в средневековье: гунны, авары (558 г. н. э.), кутригуры и утигуры (561 г. н. э.), тюрки (570 г. н. э.), хазары, аланы [Комар, 2008].

Появление новой группы номадов около середины VI в. до н. э. в Северном Причерноморье, видимо, спровоцировало перемещение части кочевников (?), которые доминировали в регионе в раннескифское время. Движение групп из Среднего Поднестровья и Приднепровской Лесостепи могло привести к разрушениям в Центральной Европе (Вицина, Смоленица Мольпир и другие) в этот период. Среди наконечников стрел, найденных на разрушенных городищах Средней Европы, присутствуют экземпляры с башневидной головкой, что дало основания А.И. Мелюковой датировать их около середины VI в. до н. э. [Мелюкова, 2006, с. 28]. Это позволяет говорить о связи (прямой или косвенной) данных боевых действий с рассматриваемыми событиями в Северном Причерноморье¹. А.И. Мелюкова полагала, что набег на Вицину был совершен с территории, где в это время использовались раннескифские наборы стрел [Мелюкова, 2006, с. 28, 29]. Можно предположить, что этим регионом

могла быть Трансильвания [Брумяк, 2005, с. 306] и Среднее Поднестровье. Не противоречат данному выводу затухание среднеднепровских некрополей и участие данного населения в сложении культуры Векерзуг [Хохоровски, 2013, с. 64, 67]. Здесь можно было бы усмотреть проявление всем известного «принципа домино», характерного для подвижек населения в Степи. Направление зачастую как раз носило западную направленность [Алексеев, 2003, с. 68]. В этих акциях могли участвовать и группы номадов с востока.

После прихода в Северное Причерноморье немногочисленные группы кочевников проникли в Днепровское лесостепное Левобережье и прилегающие земли. Появление новых номадов заставило население Лесостепи провести укрепление существующих поселений и создать серию новых² [Скорый, 2003, с. 82³; Гречко, 2010, с. 29]. Здесь стоит подчеркнуть, что в Лесостепи, вопреки существующему мнению, следов погромов этого времени не зафиксировано и большинство поселений непрерывно существуют весь VI в. до н. э. Есть несколько исключений. Это Хотовское городище, которое, вероятно, прекращает свое существование в третьей четверти VI в. до н. э. [Дараган, 2005, с. 260]⁴. Нападение на Трахтемировское городище было осуществлено несколько ранее (в конце первой-второй четверти VI в. до н. э., после 80-х гг.) [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 67, 89].

Безусловно, основная масса земледельческого населения Лесостепи осталась на своих прежних местах. Преимущество погребальных обрядов кочевников раннескифского и среднескифского времени данного региона может говорить о сохранении правящей верхушки местного населения. Погребения носителей нового материального комплекса в Лесостепи (Витова Могила, Опишлянка, Енковцы) расположены вне родовых могильников местного населения. Их взаимоотношения неясны. Судя по всему, они влились в ряды местной военной элиты, хотя нельзя исключать и их гибель в результате неудачного набега. Более вероятным мне представляется мирное сосуществование, на что указывает активный об-

2. На данный момент не совсем ясно, когда произошло массовое строительство укреплений в Днепровском лесостепном Левобережье — в середине—третьей четверти (в связи с появлением носителей крестовидных блях) либо в последней четверти VI — начале V в. до н. э. (общая дестабилизация ситуации в Северном Причерноморье при переходе скифов ко второй стадии кочевания и покорении или установлении даннических отношений с населением Лесостепи и греками).

3. При этом, указывается, что укрепления возводятся в середине—второй половине VI вв. до н. э. в ответ на появление скифов второй волны (конец VII — начала VI вв. до н. э.) [Скорый, 2003, с. 82]. Подобное запаздывание реакции на агрессию не совсем понятно.

4. Интересно, что поселенческие комплексы севернее Роси в это время были покинуты окончательно и население, возможно, участвует в заселении земель в Днепо-Донецкой Лесостепи.

1. А.Ю. Алексеев синхронизирует погром в Смоленицах и древнейшие ольвийские захоронения с колчанными наборами в рамках середины—третьей четверти VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 156].

мен племен Лесостепи с Ольвией, расцвет поселенческой структуры региона и заселение новых территорий (Северский Донец, Сейм, Средний Дон, Посулье). Этому способствовало и вероятное родство воинов, пришедших с Северного Кавказа в раннескифский период и новых номадов преимущественно из того же региона. Можно предполагать определенное общее лингвистическое ядро (ираноязычные кочевники).

В целом вывод А.Ю. Алексеева достаточно точно описывает ситуацию, которая сложилась в степях Евразии в VI в. до н. э.: «В результате мы скорее всего столкнулись со сложным механизмом взаимообменов в центральном и западном очагах евразийских культур скифского облика. Один и тот же регион мог дать миграционный импульс в разных направлениях, в результате чего сходные элементы, в той или иной степени трансформированные, обнаруживаются на весьма удаленных друг от друга территориях» [2003, с. 185].

Таким образом, есть основания полагать, что Древняя Скифия с ее раннескифским материальным комплексом постепенно уступила место Классической в середине—второй половине VI в. до н. э. под влиянием новой группы кочевников, которая проникла с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Причерноморье. Данные коллективы не отличались однородностью и могли включать в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы номадов с более восточных областей (Приаралья, Тува, Восточный Туркестан), при вероятном участии части скифов, которые последними вернулись из Передней Азии. Разрыва в существовании памятников двух данных периодов не отмечается. Миграция середины VI в. до н. э. была очередным перемещением групп населения с Северного Кавказа в Северное Причерноморье (катакомбная культура, памятники новочеркасского типа, раннескифское время) и авангардом переселения последней четверти данного столетия. Данные группы нового населения не подчинили себе население Лесостепи, вероятно, в виду своей малочисленности. Именно они принесли в регион часть нового культурного и материального комплекса (новый тип конской узды, вооружения, образы звериного стиля и др.). При этом, будущее влияние на формирование материальной культуры Классической Скифии имели традиции более многочисленных мигрантов последней четверти VI в. до н. э. с Северного Кавказа, что ознаменовалось появлением значительного количества как отдельных захоронений, так и целых могильников.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2013. — 416 с.

Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. Скифы // Античное наследие Кубани. — 2010. — Т. I. — С. 236—259.

Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Курганы на проспекте Советский в г. Запорожье // ССПК. — Запорожье, 2012. — Т. XVI. — С. 184—223.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи- на початку доби раннього заліза. — Львів, 2015. — 574 с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Исследования курганов скифского периода в Валковском районе на Харьковщине // АВУ 1999—2000 pp. — К., 2001. — С. 72—75.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1985. — Вып. 2. — С. 7—115.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. — Алматы, 1998. — С. 271—274.

Берестнев С.И., Бойко Ю.Н. Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха. — Харьков: Препр., 2005. — 42 с.

Бессонова С.С. Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии // *Stratum plus.* — 2005—2009. — № 3. — С. 14—93.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — К., 2001. — 256 с.

Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. — Ставрополь, 2015. — 446 с.

Бокий Н.М., Ольховский В.С. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. — 1994. — № 2. — С. 151—163.

Бойко Ю.Н. Приднепровская лесостепь и кочевники скифского времени (фрагмент динамико-дистанционной модели) // ПССАСП. — Запорожье, 1994. — II. — С. 22—24.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—III вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). — Харьков, 2001. — 144 с.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.). — Кишинев, 2005. — 358 с.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. Новые комплексы скифской эпохи из Чечни // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — М., 1997. — С. 114—126.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. Исследования могильника «Орджоникидзеvский» в Чечне // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — С. 356—381.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный, 1972. — 387 с.

Вдовиченко И.И. Античная расписная керамика на варварских памятниках Северного Причерноморья. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 13—58.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. — 1991. — № 1. — С. 145—155.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. — М., 1973. — 160 с.

Волковой С.С., Шалобудов В.Н., Лихачев В.А. Скифский могильник «Славянга» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3. — С. 45—60.

Гавриш П.Я. Розкопки курганів скіфського часу біля с. Броварки на Полтавщині // АЛЛУ. — 1998. — Ч. 1—2. — С. 29—37.

- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. — 1959. — Вып. 69. — С. 178—180.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980. — 256 с.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1-33).
- Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверсько-му Дінці. — К., 2010. — 286 с.
- Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // *Stratum plus*. — 2012. — № 3. — С. 75—106.
- Гречко Д.С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // *Stratum plus*. — 2013. — № 3. — С. 133—154.
- Григорьев В.П. Раннескифский курган «Роблена могила» в Лесостепном Приднепровском Левобережье // Проблемы истории та археології давнього населення УРСР. — К., 1989. — С. 56—57.
- Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры. — Волгоград, 2007. — Вып. II. — С. 83—96.
- Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI — V вв. до н. э.: истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы и исследования по археологии юга России. — Ростов н/Д., 2011. — Вып. III. — С. 43—51.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 226—251.
- Дараган М.Н. Античная керамика Хотовского городища скифской эпохи // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб., 2005. — С. 256—261.
- Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Тр. ГЭ. — СПб., 2015. — 77. — С. 127—170.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. — 1997. — № 3. — С. 127—131.
- Древности Приднепровья. — К., 1900. — Т. III. — 22 с.
- Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. — Донецк, 1997. — № 6. — С. 181—217.
- Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. — 1999. — Вып. 2. — С. 93—126.
- Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона // РА. — 1997. — № 1. — С. 50—59.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в Анахинскую эпоху // МИА. — 1952. — Вып. 30. — 323 с.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
- Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифской культуре // СА. — 1971. — № 2. — С. 64—85.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.
- Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону // Донские древности. — Азов, 1994. — Вып. 2. — С. 57—79.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 336 с.
- Комар А.В. Кочевники Восточной Европы VI—IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI—VIII вв. — Астана, 2008. — С. 191—216.
- Копылов В.П. Новые данные о связях населения Нижнего Дона в V в. до н. э. // Донские древности. — Азов, 1992. — Вып. 1. — С. 78—87.
- Копылов В.П. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов н/Д., 1994. — С. 22—25.
- Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII—VI вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н. э. — СПб., 2006. — С. 80—88.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960. — 520 с.
- Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. — 1991. — № 4. — С. 36—52.
- Кузнецова Т.М. Припонтский регион в период скифской архаики // Боспорский сборник. — М., 1994. — 4. — С. 5—11.
- Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III веков до н. э. — М., 2010. — 426 с.
- Кулатова Г.М. Хрестовидна бляха скіфської доби з Єнківцею у Посуллі // ПАЗ. — 1995. — Вып. 3. — С. 139—147.
- Кулатова Г.М., Скорый С.А., Супруненко О.Б. Ранньоскіфське поховання на півдні Придніпровського терасового Лісостепу (до питання про передньоазійські інновації у східноєвропейському тваринному стилі) // АЛІЛУ. — 2006. — № 1 (19). — С. 46—60.
- Лесков А.М. Раскопки Ульских курганов в 1982—1983 гг. // Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 24—29 (*Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. — 2).
- Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. — 1962. — Вып. 113. — С. 5—85.
- Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). — Запорожье, 2004. — 178 с.
- Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI — начале IV вв. до н. э. // Степь и Кавказ (культурные традиции). — М., 1997. — С. 62—74 (Тр. ГИМ. — Вып. 97).
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991. — 130 с.
- Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. — М., 1999. — 160 с.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
- Мелюкова А.И. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы. // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 25—40.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Могилев О.Д., Діденко С.В. Скіфський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу у Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 45—55.
- Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скії // Археологія. — 1990. — № 1. — С. 122—139.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 134 с.

- Мухомад С.Е. Скифские архаические погребения на р. Волчьей // Памятники археологи Причерноморья III—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1984. — С. 115—128.
- Ольговский С.Я. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 25—31.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. — М., 1994. — 188 с.
- Онайко Н.А. О центрах производства золотых обивок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. — М., 1966. — С. 159—176.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. — М., 2012. — 472 с.
- Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля из Ульских курганов // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 64—68 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — 2).
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 388—423.
- Петровська Є.О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. — 1970. — Т. 24. — С. 129—145.
- Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — 192 с.
- Полідович Ю.Б. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 35—48.
- Полідович Ю.Б. «Скифские» олени в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. — Саратов, 2103. — Вып. 10. — С. 262—267.
- Полідович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии: К 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. — СПб., 2010. — С. 217—224.
- Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. — 1987. — № 59. — С. 17—36.
- Полін С.В. О походе Дария в причерноморскую Скифию // Древности Скифов. — К., 1994. — С. 86—101.
- Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. — 2014. — № 4. — С. 107—117.
- Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф.... дис. канд. ист. наук. — СПб., 2003. — 24 с.
- Сазонов А.А. Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. — Майкоп, 2000. — Вып. 3. — С. 42—67.
- Самар В.А. Раннескифское погребение со скульптурой с Нижнего Днепра // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999. — С. 228—232.
- Семенов С.А. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (по данным микроанализа) // Черников С.С. Загадка Золотого кургана. — М., 1965. — С. 156—176.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. — Л., 1988. — 183 с.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964. — 379 с.
- Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. — 1993. — № 2. — С. 101—118.
- Смирнова Г.И. Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 66—92.
- Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглей Н.М. Курганы у с. Огородное // МАСП. — 1970. — № 6. — С. 130—155.
- Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск, 2000а. — Т. 2: Ранний железный век и средневековье. — С. 4—205.
- Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. — Уфа, 2006. — С. 76—91.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — 274 с.
- Таиров А.Д. Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. // Наука ЮУрГУ. — Челябинск, 2008. — Т. 1. — С. 160—164.
- Терновский Н.А. Взаимодействие этнических культур Кавказа и встречно-обратное движение народов // Сб. материалов IX междунар. науч.-практич. конф. «Ф.А. Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность». — Краснодар, 2009. — С. 43—48.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — С. 248—267.
- Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. — Одесса, 2015. — Вып. 13. — С. 54—79.
- Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — 211 с. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — 2).
- Фіалко О.С., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — 152 с.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.) — М., 1977. — 262 с.
- Хохоровски Я. Скифы и Средняя Европа — историческая интерпретация археологической действительности // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия «История». — 2013. — № 3 (23). — С. 57—73.
- Чистов Д.Е. Скифы и Нимфей в V в. до н. э. // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2002. — С. 259—266.
- Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005. — С. 103—108.
- Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Джоуа А.И., Ксенофонтowa И.В. Элитные архаические воинские комплексы из центральной Абхазии // Вестн. АН Абхазии. — Сухум, 2008. — Вып. 2. — С. 164—182.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
- Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. — Харьков, 1994. — С. 102—106.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — начала VI в. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 25—49.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — Ч. 1: Раннескифское время. — 276 с.
- Шульга П.И. Сынцзян в VIII—III вв. до н. э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул, 2010. — 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — Ч. II: VI—III вв. до н. э. — 322 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI века до нашей эры). — Новосибирск, 2015а. — 304 с.

Эрлих В.Р. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // Таманская старина. — СПб., 2000. — Вып. 3. — С. 77—78/

Эрлих В.Р. Продукция переднеазиатских и закавказских мастерских из Ульских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — 2013. — Вып. XI. — С. 217—235.

Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения из Ульских курганов // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 44—57 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — 2).

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. — М., 1991. — 527 с

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др. Раскопки курганных могильников «Покровка 1» и «Покровка 2» в 1993 году // Курганы левобережного Илека. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 4—56.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. — Волгоград, 2007. — Вып. II. — С. 4—36.

Berciu D. Neue skythische Funde aus Rumanien und Bulgarien // PZ. — 1963. — XLI. — S. 190—199.

Bukowski Z. The Scythian Influence in the Area of Lusatian culture. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. — 378 p.

Zaharov A.A. I.A. Zaretsky's Excavations in the Government of Kharkov // Eurasia septentrionalis antiqua. — 1932. — VII. — P. 59—81.

Clara Rodos. L. Laurenzi, Necropoli ialisie (Scavi dell'anno 1934). — Bergamo, 1936. — Vol. VIII. — 224 p.

Chugunov K.V., Partsinger H., Nagler A. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — Dordrecht; Boston; London, 2004. — P. 1—7 (NATO Science Series. — IV: Earth and Environmental Sciences. — Vol. 42).

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Derskythenzeitliche Firstenkurgan Arhan 2 in Tuva. — Mainz, 2010. — 330 S.

Kemenczei T. Studien zu den denkmälern skythisch geprägter alfidl gruppe. — Budapest, 2009. — 410 S.

Д. С. Гречко

ВІД АРХАЇЧНОЇ СКИФІЇ ДО КЛАСИЧНОЇ

У статті робиться спроба деталізувати розвиток матеріальної культури та етнокультурної історії населення півдня Східної Європи у VI ст. до н. е. Є підстави вважати, що Давня Скифія з її ранньоскифської матеріальною комплексом поступово поступилася місцем Класичній в середині-другій половині VI ст. до н. е. під впливом нової групи кочовиків, яка прийшла з Північного Кавказу через пониззя Дону до Північного Причорномор'я. Дані колективи не

відрізнялися однорідністю і могли включати до свого складу як кочівників Передкавказзя та Прикубання ранньоскифського часу, так і нові групи номадів з більш східних областей (Приаралля, Тува, Східний Туркестан). Не можна виключати участі частини скифів, які останніми повернулися з Передньої Азії. Розриву в існуванні пам'яток двох даних періодів не відзначається. Міграція середини VI ст. до н. е. була черговим переміщенням племен з Північного Кавказу до Північного Причорномор'я і авангардом переселення останньої чверті цього століття з районів Передкавказзя. Дані групи нового населення не підкорили собі населення Лісостепу, ймовірно, з причини своєї нечисленності. Саме вони принесли в регіон частину нового культурного і матеріального комплексу (новий тип кінської вуздечки, озброєння, образи звіриного стилю та ін.). Хоча більший вплив на формування матеріальної культури Класичної Скифії мали традиції більш численних мігрантів останньої чверті VI ст. до н. е. з Північного Кавказу, що ознаменувався появою значної кількості як окремих поховань, так і цілих могильників.

Ключові слова: скифи, періодизація, хронологія, Північне Причорномор'я.

D. S. Grechko

FROM ARCHAIC SCYTHIA TO CLASSICAL

There is an attempt to make more detailed the development of material culture and ethnical-cultural history of the population of the South of the Eastern Europe in the 6th century BC in this article. We consider that the Early-Scythian material complex of Ancient Scythia had transformed to the Classical model gradually in the middle—second half of the 6th century BC. This happened under the influence of new groups of nomadic tribes which penetrated from the Northern Caucasus through the Lower Don to the Northern Black Sea area. These groups were not homogeneous and could include nomads of the Pre-Caucasus and Pre-Kuban areas of early-Scythian time in their structure and the new groups of nomadic tribes from the more Eastern areas (Pre-Ural, Tuva, Eastern Turkestan). We couldn't exclude the participation of the part of Scythians — the last who had returned from the West Asia. The gap in the existence of the monuments of two these periods is not marked. The migration of the middle of the 6th century BC was the next displacement of the tribes of the Northern Caucasus to the Northern Black Sea area. These groups of the new population didn't subordinate the population of Forest-Steppe area — admittedly because they were not numerous. Exactly they have brought the part of new cultural and material complex (new type of a horse bridle, armament, forms of animal stile etc.) to the region. However the traditions of more numerous migrants of the last quarter of the VI c. BC from the Northern Caucasus had more influence to the forming of the material culture of Classical Scythia. This marked by the appearance of a significant number of individual burial places and burial grounds.

Keywords: the Scythians, periodization, chronology, North Black Sea region.

Одержано 11.04.2016